

IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 146–177. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-146-177.

Bytko S. Yu., Varygin A. N. Nekotorye metodologicheskie voprosy otsenki effektivnosti predupreditel'nogo vozdeystviya ugovolnykh nakazaniy [Some Methodological Issues of Evaluating the Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Punishments]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 1. Pp. 146–177. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-146-177.

УДК 343.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-146-177

**НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ**

С. Ю. Бытко

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии

Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104

ORCID: 0000-0002-8960-2221

ResearcherID: B-5361-2019

E-mail: sergej-bytko@yandex.ru

А. Н. Варыгин

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой прокурорского надзора и криминологии

Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104

ORCID: 0000-0002-6833-1768

ResearcherID: B-5345-2019

E-mail: van808@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2018

Введение: оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания является актуальной научной проблемой, решение которой позволит сократить материальные и социальные издержки, связанные с исполнением уголовных наказаний, повысить качество предупреждения преступлений и уровень защищенности граждан от общественно опасных посягательств. Вместе с тем в теории проблема эффективности наказания разработана недостаточно. До настоящего времени отсутствует единое понимание самого понятия «эффективность уголовного наказания», нет единства относительно критериев и методики ее оценки. **Цель:** определить необходимость изучения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность; разработать понятие «эффективность наказания», провести его сравни-

© Бытко С. Ю., Варыгин А. Н., 2019

IV. CRIMINAL LAW

Information for citation:

Bytko S. Yu., Varygin A. N. Nekotorye metodologicheskie voprosy otsenki effektivnosti predupreditel'nogo vozdeystviya ugovolnykh nakazaniy [Some Methodological Issues of Evaluating the Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Punishments]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 1. Pp. 146–177. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-146-177.

УДК 343.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-43-146-177

**SOME METHODOLOGICAL ISSUES OF EVALUATING
THE EFFECTIVENESS OF THE PREVENTIVE IMPACT
OF CRIMINAL PUNISHMENTS**

S. Yu. Bytko

Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410056, Russia

ORCID: 0000-0002-8960-2221

ResearcherID: B-5361-2019

e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

A. N. Varygin

Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410056, Russia

ORCID: 0000-0002-6833-1768

ResearcherID: B-5345-2019

e-mail: van808@yandex.ru

Received 06.10.2018

Introduction: evaluation of the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment is a pressing scientific problem. Its solution would reduce the material and social costs associated with the execution of criminal punishments, improve the quality of crime prevention and the level of citizens' protection from socially dangerous infringements. However, the problem of the effectiveness of punishment is not sufficiently developed in theory. Up to the present moment, there is no uniform understanding of the concept 'effectiveness of criminal punishment', there is no unity regarding the criteria and methods of its assessment. **Purpose:** to determine the need to study the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime; to develop the concept 'effectiveness of punishment', conduct a comparative analysis of that with the concepts 'effectiveness of criminal law, criminal law norms, judicial practice, execution of punishment'; to identify the criteria for evaluating the effectiveness of criminal punishment and offer the authors' model of such an evaluation which would include certain inter-related steps. **Methods:** the methodological framework of the study is based on a set of methods of scientific cognition, including general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), special (statistical, concrete sociological (questioning of the convicts, analysis of criminal case files, expert survey) and other methods. **Results:** the authors state that the effec-

© Bytko S. Yu., Varygin A. N., 2019

тельный анализ с понятиями «эффективности уголовного закона, уголовно-правовых норм, судебной практики, исполнения наказания»; выявить критерии оценки эффективности уголовного наказания и предложить авторскую модель такой оценки, включающую в себя определенные взаимосвязанные этапы действий. **Методы:** общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция; специальные: статистические, конкретно-социологические (опрос осужденных, анализ материалов уголовных дел, опрос экспертов) и др. **Результаты:** авторы утверждают, что эффективность уголовного наказания означает его способность эффективно достигать провозглашенные законодателем цели наказания в конкретных социально-экономических условиях; уголовное наказание можно рассматривать в качестве интегрального показателя, отражающего одновременно и эффективность уголовно-правового воздействия в целом; единственным перспективным способом изучения предупредительного воздействия уголовного наказания является анализ предупредительного воздействия всех применяемых наказаний за конкретные преступления как единого целого. **Выводы:** предлагающиеся в настоящее время в теории уголовного права и криминологии методики оценки эффективности наказаний, в том числе путем анкетирования осужденных или иных граждан, не являются приемлемыми средствами для решения данной научной задачи. Подобная информация может играть лишь ориентирующую роль для исследователя. В качестве базовых критериев эффективности уголовного наказания могут быть использованы такие показатели преступности: динамика и динамика рецидива преступлений, в качестве дополнительных – уровень преступности в отдельных социальных группах; уровень рецидива среди осужденных различных социальных групп; динамика числа осужденных, в том числе совершивших преступления при рецидиве преступлений.

Ключевые слова: уголовное наказание, предупреждение, преступность, эффективность уголовного наказания; критерии оценки эффективности уголовного наказания; этапы оценки эффективности наказания

SOME METHODOLOGICAL ISSUES OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE PREVENTIVE IMPACT OF CRIMINAL PUNISHMENTS

S. Yu. Bytko

Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0002-8960-2221
ResearcherID: B-5361-2019
e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

A. N. Varygin

Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0002-6833-1768
ResearcherID: B-5345-2019
e-mail: van808@yandex.ru

Received 06.10.2018

Introduction: evaluation of the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment is a pressing scientific problem. Its solution would reduce the material and social costs associated with the execution of criminal punishments, improve the quality of crime prevention and the level of citizens' protection from socially dangerous infringements. However, the pro b-

tiveness of criminal punishment means its capability to effectively achieve the goals of punishment proclaimed by the legislator in specific socio-economic conditions; it can be considered as an integral indicator reflecting the effectiveness of the criminal law impact in general; the only efficient way to study the preventive impact of criminal punishment is to analyze the preventive effect of all penalties applicable to specific crimes as a whole. **Conclusions:** methods of assessing the effectiveness of punishments currently proposed in the theory of criminal law and criminology, including questioning of prisoners or other citizens, are not appropriate means for solving this scientific task. Such information can only play an orienting role for researchers. As the basic criteria of the effectiveness of criminal punishment, such indicators of crime can be used as its dynamics and the dynamics of recidivism. As for additional criteria, these might include the level of crime in certain social groups; the level of recidivism among convicts belonging to different social groups; the dynamics of the number of convicts, including those who committed crimes recurrently.

Keywords: criminal punishment, prevention, crime, effectiveness of criminal punishment; criteria for evaluating the effectiveness of criminal punishment; stages of evaluating the effectiveness of punishment

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

С. Ю. Бытко

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
ORCID: 0000-0002-8960-2221
ResearcherID: B-5361-2019
E-mail: sergej-bytko@yandex.ru

А. Н. Варыгин

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
ORCID: 0000-0002-6833-1768
ResearcherID: B-5345-2019
E-mail: van808@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2018

Введение: оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания является актуальной научной проблемой, решение которой позволит сократить материальные и социальные издержки, связанные с исполнением уголовных наказаний, повысить качество предупреждения преступлений и уровень защищенности граждан от общественно опасных посягательств. Вместе с тем в теории проблема эффективности наказания разработана недостаточно. До настоящего времени отсутствует единое понимание самого понятия «эффективность уголовного наказания», нет единства относительно критериев и методики ее оценки. **Цель:** определить необходимость

lem of the effectiveness of punishment is not sufficiently developed in theory. Up to the present moment, there is no uniform understanding of the concept 'effectiveness of criminal punishment', there is no unity regarding the criteria and methods of its assessment. **Purpose:** to determine the need to study the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime; to develop the concept 'effectiveness of punishment', conduct a comparative analysis of that with the concepts 'effectiveness of criminal law, criminal law norms, judicial practice, execution of punishment'; to identify the criteria for evaluating the effectiveness of criminal punishment and offer the authors' model of such an evaluation which would include certain inter-related steps. **Methods:** the methodological framework of the study is based on a set of methods of scientific cognition, including general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), special (statistical, concrete sociological (questioning of the convicts, analysis of criminal case files, expert survey) and other methods. **Results:** the authors state that the effectiveness of criminal punishment means its capability to effectively achieve the goals of punishment proclaimed by the legislator in specific socio-economic conditions; it can be considered as an integral indicator reflecting the effectiveness of the criminal law impact in general; the only efficient way to study the preventive impact of criminal punishment is to analyze the preventive effect of all penalties applicable to specific crimes as a whole. **Conclusions:** methods of assessing the effectiveness of punishments currently proposed in the theory of criminal law and criminology, including questioning of prisoners or other citizens, are not appropriate means for solving this scientific task. Such information can only play an orienting role for researchers. As the basic criteria of the effectiveness of criminal punishment, such indicators of crime can be used as its dynamics and the dynamics of recidivism. As for additional criteria, these might include the level of crime in certain social groups; the level of recidivism among convicts belonging to different social groups; the dynamics of the number of convicts, including those who committed crimes recurrently.

Keywords: criminal punishment, prevention, crime, effectiveness of criminal punishment; criteria for evaluating the effectiveness of criminal punishment; stages of evaluating the effectiveness of punishment

Введение

Оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность – актуальная научная проблема, разрешение которой обещает снижение материальных и социальных издержек, связанных с исполнением уголовных наказаний, и повышение уровня предупреждения преступности в стране. Как отмечает Н. Кристи, посредством наказания можно управлять поведением индивида, потому что оно удерживает от необдуманных поступков (совершения преступлений) [25, с. 36]. Х. Харт полагал, что основное действие уголовного наказания состоит в провозглашении определенных стандартов поведения и назначении карательных мер за отклонение от них, мер, которые делают отклонение менее привлекательным, в результате чего индивиды оказываются перед проблемой выбора [75, р. 21–22].

В настоящее время на пути решения этой задачи имеется ряд трудностей, в ряду которых

следует отметить неразработанность терминологического аппарата, слабые возможности теоретической науки по прогнозированию преступности, сложный характер взаимодействия различных факторов, влияющих на изменение преступности, затрудняющий вычленение роли уголовного наказания в их ряду, на что указывали многие ученые [81, р. 160–162].

Понятие «эффективность в праве»

Термин «эффект» (от лат. «effectus») означает результат, следствие каких-либо причин, действий [54, с. 1583]. Прилагательное «эффективный» трактуется как действенный, результативный [44, с. 914]. Таким образом, «эффект» и производные от него «эффективность» и «эффективный» означают способность какого-либо действия производить результат. Вместе с тем применительно к разным приложениям и областям знаний содержание понятия «эффективность» зависит от отраслевой специфики. Иногда говорят об экономической эффек-

изучения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность; разработать понятие «эффективность наказания», провести его сравнительный анализ с понятиями «эффективности уголовного закона, уголовно-правовых норм, судебной практики, исполнения наказания»; выявить критерии оценки эффективности уголовного наказания и предложить авторскую модель такой оценки, включающую в себя определенные взаимосвязанные этапы действий. **Методы:** общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция; специальные: статистические, конкретно-социологические (опрос осужденных, анализ материалов уголовных дел, опрос экспертов) и др. **Результаты:** авторы утверждают, что эффективность уголовного наказания означает его способность эффективно достигать провозглашенные законодателем цели наказания в конкретных социально-экономических условиях; уголовное наказание можно рассматривать в качестве интегрального показателя, отражающего одновременно и эффективность уголовно-правового воздействия в целом; единственным перспективным способом изучения предупредительного воздействия уголовного наказания является анализ предупредительного воздействия всех применяемых наказаний за конкретные преступления как единого целого. **Выводы:** предлагавшиеся в настоящее время в теории уголовного права и криминологии методики оценки эффективности наказаний, в том числе путем анкетирования осужденных или иных граждан, не являются приемлемыми средствами для решения данной научной задачи. Подобная информация может играть лишь ориентирующую роль для исследователя. В качестве базовых критериев эффективности уголовного наказания могут быть использованы такие показатели преступности: динамика и динамика рецидива преступлений, в качестве дополнительных – уровень преступности в отдельных социальных группах; уровень рецидива среди осужденных различных социальных групп; динамика числа осужденных, в том числе совершивших преступления при рецидиве преступлений.

Ключевые слова: уголовное наказание, предупреждение, преступность, эффективность уголовного наказания; критерии оценки эффективности уголовного наказания; этапы оценки эффективности наказания

Introduction

Evaluation of the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime is a pressing scientific problem, the resolution of which promises a reduction in the material and social costs associated with the execution of criminal penalties and an increase in the level of crime prevention in the country. According to N. Christie, by means of punishment, one can control the behavior of an individual because it prevents them from thoughtless actions (committing crimes) [25, p. 36]. H. Hart believed that the main effect of criminal punishment is in proclaiming certain standards of behavior and imposing punitive measures for deviating from those; these measures make the deviation less attractive, and, as a result, individuals face the problem of choice [75, pp. 21–22].

Currently, there are a number of difficulties in solving this problem, which include the unde-

veloped terminological nomenclature, weak capabilities of the science of crime forecasting, the complex nature of the interaction of various factors influencing the change in crime, making it difficult to identify the role of criminal punishment among those, which is noted by many scientists [81, pp. 160–162].

The Concept "Effectiveness in Law"

The term "effect" (from the Latin word "effectus") means a result, a consequence of some reasons, actions [54, p. 1583]. The adjective "effective" is interpreted as producing the result intended. Thus, the "effect" and its derivatives "effectiveness" and "effective" mean the ability of an action to produce a result. However, as applied to different situations and areas of knowledge, the content of the concept "effectiveness" depends on the branch specifics. Sometimes it is about economic efficiency,

тивности, необходимости повышения эффективности, эффективного использования выделяемых средств, эффективности рекламы и т. д.

Следует упомянуть и еще об одном встречающемся определении эффективности: «...существенное отношение изменений на выходе неравновесной системы к изменениям на входе, позволяет зафиксировать ее критерии» [55, с. 827]. Подобное понимание имеет смысл применять и по отношению к оценке эффективности правовых институтов, поскольку использование неравновесности подразумевает такое свойство системы, как управляемость: оказывая правовое регулятивное воздействие, мы получаем определенный результат, эффект. Не имеет смысла прилагать управляющее воздействие к равновесной системе, которая всегда стремится лишь к стабильному состоянию.

В уголовно-правовой литературе термин «эффективность» применяется по отношению к правовому регулированию [46, с. 3–4]; уголовной политике [62]; уголовному закону [31, с. 251]; уголовной ответственности [12, с. 344]; отдельным уголовно-правовым институтам и отдельным нормам [39, с. 18–19]; системе уголовных наказаний [58]; уголовному наказанию [43; 69]; отдельным видам наказаний [4]; реализации отдельных целей наказания [59]; судебной практике [37].

На верхнем уровне располагается категория эффективности правового регулирования [46, с. 3–4], исследуемая в целях оценки результативности правовой системы в целом. Уровнем ниже – эффективность уголовной политики. Существует мнение, что эффективность последней эквивалентна эффективности уголовного законодательства. Действительно, уголовный закон формируется в рамках уголовной политики, основными методами которой являются криминализация и декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности [31, с. 251]. Уголовная политика реализуется в уголовном законе, а значит, «эффективность уголовной политики» тождественна «эффективности уголовного закона».

Имеется сходная точка зрения, в соответствии с которой эффективность уголовной политики на практике сводится к эффективности уголовно-правовых норм и должна оцениваться с учетом эффективности отдельных правовых

институтов, отраслей права и групп отраслей права [39, с. 12–19]. Отличие указанных позиций состоит в широте понимания термина «уголовная политика», куда кроме собственно уголовно-правовой политики иногда включают и уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную, криминалистическую и др. [45, с. 106].

Общим же является признание необходимости анализа не отдельных уголовно-правовых норм, а их взаимосвязанного комплекса, самостоятельных уголовно-правовых институтов. Так, например, И. М. Усманов, эффективность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания оценивает в совокупности с качеством законодательной регламентации норм о досрочном освобождении, их правильным применением в практике, организацией исполнения принятых решений [65, с. 98]. И такой подход мы полагаем верным, так как при изучении эффективности условно-досрочного освобождения исследователи должны учитывать категорию совершенного преступления (ст. 15 УК РФ), особенности назначенного наказания, совокупности возлагаемых на осужденного обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, и т. д.

Сказанное, впрочем, не распространяется на работы теоретического характера, посвященные общим проблемам эффективности правовых норм. В этих трудах авторы формируют общие представления об эффективности и условиях, при которых она достигается без учета специфики отдельных отраслей права [30].

А. А. Тер-Акопов при исследовании воинских преступлений установил, что эффективность ответственности за их совершение тождественна эффективности совокупности правовых оснований для привлечения к ответственности за такие посяательства. В качестве критерия эффективности уголовной ответственности он предложил использовать коэффициент, взяв за основу его расчета число лиц, склонных к совершению преступления и воздержавшихся от противоправного деяния [61, с. 289–347]. Здесь необходимы некоторые пояснения. Во-первых, уголовную ответственность автор понимал широко, включая в нее неблагоприятные правовые последствия совершения преступления, а также осознание осужденным возложенной ответственности в качестве стимула к со-

the need to improve labor efficiency, efficient use of allocated funds, advertising efficiency, etc.

It is necessary to mention one more definition of effectiveness, according to which it is interpreted as “...a significant ratio of changes at the output of a non-equilibrium system to changes at the input, allowing one to determine its criteria” [55, p. 827]. It makes sense to apply such understanding in relation to the assessment of legal institutions’ effectiveness, since the nonequilibrium state implies such a property of the system as controllability: exerting a legal regulatory effect, we get a certain result, effect. It does not make sense to apply a controlling action to an equilibrium system, which always strives only for its stable state.

In criminal law literature, the term “effectiveness” is applied in relation to legal regulation [46, pp. 3–4]; criminal policy [62]; criminal law [31, p. 251]; criminal liability [12, p. 344]; separate criminal law institutes and individual norms [39, pp. 18–19]; system of legal penalties [58]; criminal penalties [43; 69]; certain types of punishment [4]; implementation of individual goals of punishment [59]; judicial practice [37].

At the top level is the effectiveness of legal regulation [46, pp. 3–4], studied in order to assess the effectiveness of the legal system as a whole. At the level below is the effectiveness of criminal policy. There is an opinion that the effectiveness of that is equivalent to the effectiveness of criminal law. Indeed, criminal law is formed in the framework of criminal policy, whose main methods are criminalization and decriminalization, penalization, depenalization, differentiation and individualization of criminal liability [31, p. 251]. Criminal policy is implemented in criminal law, which means that the “effectiveness of criminal policy” is identical to the “effectiveness of criminal law”.

There is a similar point of view, according to which in practice the effectiveness of criminal policy is reduced to the effectiveness of criminal law norms and should be evaluated taking into account the effectiveness of individual legal institutions, branches of law and groups of branches of law [39, pp. 12–19]. The above-stated positions differ in the breadth of understanding the

term “criminal policy”, which, besides criminal law policy, sometimes comprises criminal executive, criminal procedure, criminalistics policy, etc. [45, p. 106].

The common thing among the above views is the recognition of the need to analyze not individual criminal law norms, but their interconnected complex, independent criminal law institutions. For example, I. M. Usmanov, assesses the effectiveness of parole together with the quality of the legislative regulation of the rules on release on parole, their correct application in practice, organization of the implementation of the decisions made [65, p. 98]. We deem this approach correct because, when studying the effectiveness of parole, researchers should take into account the category of the crime committed (Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation), the particular features of the punishment imposed, the set of obligations imposed on the convicted person under Part 5 of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.

What has been said does not apply, though, to theoretical works devoted to general problems of the effectiveness of legal norms. In such works, authors develop general ideas about the effectiveness and conditions to achieve it, without taking into account the specifics of individual branches of law [30].

In the study of military crimes, A. A. Ter-Akopov found that the effectiveness of responsibility for committing those is identical to the effectiveness of the totality of legal grounds for bringing to justice for such encroachments. He proposed using the coefficient calculated based on the number of persons inclined to commit a crime and having refrained from it as criteria for the effectiveness of criminal liability [61, pp. 289–347]. Some explanations are needed here. First, the author understood criminal liability widely and considered it to be including the adverse legal consequences of committing a crime, as well as the convict’s perception of the assigned responsibility as an incentive to observe the rules of conduct. Second, he considered the degree of the impact of the rule of law on behavior to be the main indicator of its effectiveness [61, pp. 289–347].

блюдению правил поведения. Во-вторых, степень воздействия правовой нормы на поведение он рассматривал в качестве главного показателя ее эффективности [61, с. 289–347].

Если исходить из того, что правопослушное поведение достигается применением уголовно-правовых норм, то, скорее всего, этот автор имеет в виду фактическое применение уголовного закона, точнее – назначения уголовных наказаний лицам, совершившим преступления. Однако в таком ракурсе эффективность уголовной ответственности отождествляется с эффективностью предупредительного воздействия уголовного наказания.

А. Э. Жалинский применял слово «эффективность» по отношению к уголовному праву, уголовно-правовому законодательству и практике применения уголовного закона [15, с. 819–821]. Полагаем, что использованные им понятия эквивалентны уже рассмотренным нами «эффективности уголовного закона», «эффективности уголовной политики», а также «эффективности судебной практики».

В теории уголовного права оценку эффективности права первоначально предполагалось осуществлять на основе оптимальности, правильности, обоснованности и целесообразности правовых норм [21, с. 143; 30, с. 23–24]. Однако здесь возникает ряд вопросов, связанных с определением соответствующих понятий («правильность» и «оптимальность»). Оптимальность предполагает компромисс: возможны решения, дающие отличные результаты быстро, но с большими затратами либо, наоборот, худшие результаты, но медленнее и дешевле. С теоретической точки зрения критерий оптимальности интересен тем, что теоретики права, пытаясь в ряде случаев оценивать эффективность правового регулирования с учетом различных издержек, фактически говорят об оптимальности.

О необходимости разграничения понятий «эффективность» и «оптимальность» писали И. С. Самощенко и В. И. Никитинский. Эти авторы определяли эффективность в зависимости от степени приближения к цели, полезности (соотношения результата действия нормы и различных побочных эффектов) и экономичности (материальных затрат, необходимых для обеспечения функционирования нормы) [53, с. 5–7].

В дальнейшем рассматриваемый подход сменился функционально-целевым [67, с. 19–20], когда эффективность понимается как отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой нормы были созданы [27, с. 168; 48, с. 168]. В целом, такое определение представляется удачным, поскольку цель уголовно-правового регулирования достаточно четко определена, например, в ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации». При этом могут быть сформулированы эмпирически проверяемые результаты применения уголовного наказания.

В. А. Федосова предлагала причинно-функционально-целевой подход оценки эффективности, при котором помимо результативности нормы оценивалось и ее совершенство [67, с. 20]. В этой связи заметим, что совершенство нормы зависит от множества факторов, в частности от точных формулировок законодателя, что позволит избежать разночтение, дублирование понятий и т. д. Однако к эффективности правового регулирования указанные факторы имеют лишь косвенное отношение. Положения действующего УК РФ (равно как и УК РСФСР 1960 г.) многократно трансформировались законодателем, отдельные дефиниции подвергались обоснованной критике со стороны теоретиков, однако сами уголовно-правовые нормы при этом продолжали оказывать предупредительное воздействие на преступность. Конечно, низкий уровень законодательной техники способен вызвать проблемы в судебной практике (например, при многозначности используемых формулировок) и привести к снижению ее эффективности. Поэтому совершенство юридической техники, законодательного описания, несомненно, является важным, но не основным фактором в правоприменительной деятельности и должно рассматриваться как условие эффективности нормы.

Авторы монографии «Эффективность правовых норм» проводят разделение на юридическую и социальную эффективность. Юридическая состоит в том, что деятельность людей непосредственно определяется, направляется самой нормой, а социальная – в том, что достигаются более отдаленные социальные последствия, выступающие в качестве цели государственного управления [27, с. 48]. Идею подоб-

If we proceed from the fact that law-abiding behavior is achieved by the application of criminal law norms, then, most likely, this author means the factual application of criminal law, more precisely, the assignment of criminal punishments to persons who have committed crimes. However, in this perspective, the effectiveness of criminal liability is identified with the effectiveness of the preventive effect of criminal punishment.

A. E. Zhalinsky applied the word “effectiveness” in relation to criminal law, criminal law-making and the practice of criminal law application [15, pp. 819–821]. We believe that the concepts he used are equivalent to the “effectiveness of criminal law”, “effectiveness of criminal policy”, and also “effectiveness of judicial practice”, which we have already considered.

In the theory of criminal law, the evaluation of the effectiveness of law was originally supposed to be carried out based on optimality, correctness, validity and expediency of legal norms [21, p. 143; 30, pp. 23–24]. However, here arise a number of questions connected with the definitions of the corresponding concepts (“correctness” and “optimality”). Optimality assumes a compromise: either solutions that give excellent results in a short period but at great expense, or, conversely, worse results but achieved in a slower and cheaper way. From a theoretical point of view, the optimality criterion is of interest here since, when trying to evaluate the effectiveness of legal regulation with due account of various costs, theorists of law actually speak of optimality.

I. S. Samoshchenko and V. I. Nikitinsky wrote about the need to distinguish between the concepts “effectiveness” and “optimality”. These authors determined the effectiveness depending on the degree of approximation to the goal, utility (the ratio between the result of applying the norm and various side effects) and efficiency (material costs necessary to ensure the functioning of the norm) [53, pp. 5–7].

Subsequently, this approach was replaced by a functionally targeted one [67, pp. 19–20], under which effectiveness is understood as the relation-

ship between the actual result achieved and the goal for which the norms were created [27, p. 168; 48, p. 168]. In general, this definition seems to be a good one, since the purpose of criminal law regulation is quite clearly defined, for example, in Article 2 of the Criminal Code “Objectives of the Criminal Code of the Russian Federation”. At the same time, empirically verifiable results of criminal punishment can be formulated.

V. A. Fedosova proposed a causal-functional target-oriented approach to evaluating effectiveness, under which, not only the effectiveness of a norm but also its perfection was evaluated [67, p. 20]. In this regard, we should note that the perfection of a norm depends on many factors: the exact wordings used by the legislator, which exclude discrepancies, duplication of concepts, etc. However, these factors are only indirectly related to the effectiveness of legal regulation. The provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation (as well as the Criminal Code of the RSFSR 1960) were repeatedly transformed by the legislator, some definitions were subject to valid criticism from theorists, but the criminal law norms themselves continued to exert a preventive effect on crime. Of course, a low level of the legislative technique can cause problems in judicial practice (for example, with ambiguous wordings used) and, ultimately, lead to a decrease in its effectiveness. Therefore, the perfection of the legal technique and legislative description is undoubtedly an important but not the main factor in law enforcement, and should be considered as a condition for the effectiveness of the norm.

The authors of the monograph “Effectiveness of legal norms” distinguish between legal and social effectiveness. Legal effectiveness is about that people’s activities are straightforwardly determined, directed by the norm itself, while social effectiveness is that more distant social consequences are achieved, being the goal of public government [27, p. 48].

ного разграничения мы полагаем весьма интересной и полезной, поскольку основанный на ней подход позволяет преодолевать ограничения, связанные с применением узкоправовых критериев эффективности.

Условия и критерии эффективности правовых норм

В теории в качестве условия эффективности правовых норм назывались: 1) соответствие правовой нормы структуре общества (классовой и социальной) сложившейся в нем системе общественных отношений, господствующим в нем идеологии и культуре; 2) совершенство законодательства, понимаемое как адекватность законодательных положений социально-экономическим, идеологическим и культурно-психологическим условиям; 3) организационная составляющая, под которой подразумевается деятельность правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов; 4) специфика политической и правовой культуры представленных в обществе слоев и групп населения, его правовое сознание; 5) совершенство правоприменительной деятельности [27, с. 76–83].

В. М. Сырых также относит к условиям социальной эффективности норм права ряд обстоятельств, внешних по отношению к самому праву: уровень экономического развития общества, уровень культуры его членов [60, с. 270–273].

Л. И. Спиридонов, в отличие от вышеназванных авторов, к условиям эффективности правовых норм относит только те, которые связаны с деятельностью законодателя и правоприменительных учреждений и органов: свойства общественно опасных деяний отражаются в законе своевременно, правильно и полно; положения уголовного законодательства соответствуют нормам морали и уровню правосознания населения; предъявляемые юридические требования адекватны социально-экономическим и политическим закономерностям общества; уголовное законодательство стабильно, а правовые нормы применяются единообразно; уголовно-правовые санкции сочетаются с мерами общественного воздействия; население информируется о содержании уголовно-правовых норм, осознает неотвратимость наказания; уголовная политика не подвержена резким изменениям [57, с. 211–221].

М. Д. Шаргородский к условиям эффективности уголовных наказаний относил: 1) со-

ответствие уголовно-правового запрета действующим в обществе объективным закономерностям; 2) соблюдение уголовно-правовых принципов; 3) неотвратимость наказаний; 4) стабильность уголовной политики; 5) достижение соответствия между практикой назначения наказаний и общественным мнением [69, с. 70].

Интерес представляет такое условие эффективности, как стабильность уголовной политики, т. е. неизменность уголовного законодательства и правоприменительной практики. Полагаем, что в некоторых обстоятельствах данный фактор может влиять в сторону как повышения, так и снижения эффективности правовых норм и, в частности, наказаний. Поэтому, говоря о стабильности, нужно указывать, когда она является благом, а в каких случаях влечет провалы в противодействии преступности, когда неповоротливость уголовно-правового законодательства не позволяет адекватно реагировать на меняющийся характер преступности. В условиях отсутствия экономических и социальных потрясений, когда преступность прогнозируема и хорошо изучена, неизменность законодательства будет благотворно влиять на скорость и качество применения уголовно-правовых норм. Однако мир входит в эпоху турбулентности, непредсказуемости, когда стабильность уголовной политики равнозначна ее стагнации, катастрофическому отставанию от быстро меняющейся картины преступности. Такое несоответствие имеет место в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: преступники научились быстро менять химический состав наркотиков и продавать их безнаказанно в течение нескольких месяцев, до появления их в списке запрещенных наркотических средств и психотропных веществ. В этот период страну накрывает вал смертей, связанных с применением новейших наркотиков, а наркоторговцы уже готовы выбросить на рынок новое зелье, замыкая этот порочный круг.

Стабильность закона в подобной ситуации равносильна его отсутствию. Поэтому прав М. Д. Шаргородский, называвший соответствие уголовно-правового запрета объективным закономерностям жизни общества в качестве условия эффективности наказания.

Завершая обзор описанных в теории условий эффективности правовых норм, необходи-

We deem the idea of such a distinction rather interesting and useful, since the approach based on it makes it possible to overcome the limitations associated with the application of narrow legal criteria of effectiveness.

Conditions and Criteria of the Effectiveness of Legal Norms

In theory, the following were regarded as conditions for the effectiveness of legal norms: 1) the correspondence of the legal norm with the structure of society (class and social), the system of social relations that has developed in it, the state-supported ideology and culture; 2) the perfection of the legislation, understood as the adequacy of the legal provisions to the socio-economic, ideological and cultural-psychological conditions; 3) the organizational component, which includes the activities of law-making and law enforcement agencies; 4) the specificity of the political and legal culture of the strata and groups of the population represented in society, its legal awareness; 5) the perfection of law enforcement [27, pp. 76–83].

Among the conditions for social effectiveness of legal norms, V. M. Syrykh also identifies a number of circumstances external to the law itself to the: the level of economic development of society, the level of culture of its members [60, pp. 270–273].

In contrast to the abovementioned authors, among the conditions for the effectiveness of legal norms L. I. Spiridonov sees only those related to the activity of the legislator and law enforcement institutions and bodies: the properties of socially dangerous acts are reflected in the law in a timely, correct and complete manner; criminal law provisions comply with the norms of morality and the level of legal awareness of the population; legal requirements are adequate to the socio-economic and political laws of society; criminal legislation is stable, and legal norms are applied uniformly; criminal and legal sanctions are combined with measures of public influence; the population is informed about the content of criminal law, is aware of the inevitability of punishment; criminal policy is not subject to drastic changes [57, pp. 211–221].

According to M. D. Shargorodsky, the conditions for the effectiveness of criminal penalties

include 1) compliance of the criminal law prohibition with the objective laws existing in society; 2) compliance with the criminal law principles; 3) inevitability of punishment; 4) stability of criminal policy; 5) achieving a correspondence between the practice of sentencing and public opinion [69, p. 70].

Such a condition of effectiveness as the stability of criminal policy is of particular interest. In our opinion, in certain circumstances this factor, which implies the immutability of criminal law and law enforcement practice, can both increase and decrease the effectiveness of legal norms and, in particular, penalties. Therefore, speaking of stability, it is necessary to indicate when it is a benefit and in what cases it leads to failures in counteracting crime, when the sluggishness of criminal law does not allow to respond correctly to changing crime. In the absence of economic and social upheavals, when crime is predictable and well-studied, the immutability of legislation would have a beneficial effect on the speed and quality of the application of criminal law norms. Unfortunately, the world is entering an era of turbulence, unpredictability, when the stability of criminal policy is equivalent to its stagnation, a catastrophic lag from rapidly changing crime. This discrepancy occurs in the sphere of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances: criminals learned to quickly change the chemical composition of drugs and sell them with impunity for several months, before they appear on the list of prohibited narcotic drugs and psychotropic substances. During this period, the country was covered by a wave of deaths associated with the use of new drugs, and drug dealers were ready to throw a new potion into the market, thus leaving no way out of this vicious circle.

The stability of the law in such a situation is equivalent to its absence. Therefore, M. D. Shargorodsky is right calling the compliance of the criminal legal prohibition with the objective laws of society a condition for the effectiveness of punishment.

Completing the review of the conditions for effectiveness of legal norms described in the theory, it should be noted that no matter how

мо отметить, что, каким бы замечательным и совершенным ни было бы законодательство, оно должно подкрепляться правильным и единообразным применением норм права. Как отмечал М. И. Ковалев, неверное применение или фактическое неприменение правовых норм способно обесценить самую совершенную правовую систему [23, с. 27–28]. Практически неэффективность может проявляться в отказе от применения норм права (отказах в возбуждении уголовных дел), в неверном выборе видов и размеров наказаний, распространении практики назначения наказаний ниже низшего предела и т.п.

Оценку эффективности уголовно-правовой политики, уголовного закона, уголовно-правовых норм, а также наказаний в теории предлагалось осуществлять, основываясь на показателях преступности. В частности, на основе сведений об уровне, динамике и структуре всей преступности, рецидивной преступности и отдельных видов преступлений предлагалось оценивать эффективность уголовной политики [39, с. 12–19].

Ряд авторов рекомендуют рассматривать эффективность как достижение цели с минимумом издержек [4, с. 21; 47, с. 43–44;]. К последним предлагалось относить материальные затраты на осуществление законодательства, издержки и пользу от принятия нормы, соотношение между затратами и выгодой [15, с. 821], экономичность нормы (расходы, связанные с производством по уголовным делам, определяемые количеством квалифицирующих признаков, входящих в предмет доказывания) [14]. Однако, как мы уже писали, эффективность, определяемая на основе затратного критерия тождественна оптимальности, при которой наилучшим будет компромисс между некоторым ухудшением результатов и снижением до приемлемого уровня расходов. Этот показатель может в значительной степени меняться в зависимости от тех целей и задач, которые провозглашает законодатель, и от материальных ресурсов, которыми располагает государство. В то же время оценка эффективности уголовно-правовых норм невозможна без учета достигаемых результатов. И если речь идет о предупреждении наиболее опасных преступлений против жизни и здоровья, государственной безопасности и др., то говорить о предпочти-

тельности отдельных редакций уголовно-правовой нормы можно лишь тогда, когда при одинаковой эффективности одна из них влечет меньшие затраты.

Наличие во многих нормах Особенной части УК РФ альтернативных санкций совершенно не означает, что оценка эффективности соответствующих наказаний должна проводиться с учетом экономических затрат на их исполнение. Судья, определяя вид наказания, в каждом конкретном случае исходит из возможности достижения провозглашенных в ст. 43 УК РФ целей с учетом множества обстоятельств. Поэтому, имея в виду затратный критерий эффективности, среди альтернативных санкций необходимо оставлять только те из них, которые при сходных затратах демонстрируют максимальную эффективность или позволяют достичь сходную эффективность при меньших затратах. Впрочем, если норма права демонстрирует высокую эффективность, то увеличение затрат на ее реализацию может быть допустимым при наличии у государства достаточных ресурсов.

Представляется, что затратные критерии должны учитываться в процессе законотворчества при оценке затрат на реализацию уголовного законодательства. Однако рассматривать их в качестве критерия эффективности норм уголовного права нам представляется неверным.

Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания

Как мы указали выше, понятие «эффективность» в уголовно-правовой сфере означает способность уголовного закона достигать целей уголовно-правового воздействия. Однако в уголовном праве самостоятельные цели указаны только для уголовного наказания. Поэтому только на основе информации о достижении этих целей возможна оценка эффективности всего уголовно-правового регулирования. К сожалению, не для всех целей могут быть предложены объективные показатели их реализации.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ, исправление предполагает формирование у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. В уголовном

wonderful and perfect the legislation is, it should be supported by the correct and uniform application of the law. As M. I. Kovalev noted, incorrect application or actual non-application of legal norms can devalue the most perfect legal system [23, pp. 27–28]. Practically ineffectiveness can manifest itself in the refusal to apply the legal rules (refusal to initiate criminal cases), in the wrong choice of types and amount of punishments, the spreading practice of sentencing below the lower limit, etc.

In theory, it was proposed to perform evaluation of the effectiveness of criminal law policy, criminal law, criminal law norms based on crime rates. In particular, an idea was put forward to evaluate the effectiveness of criminal policy on the basis of information about the level, dynamics and structure of all crimes taken as a whole, recidivism and certain types of crime [39, pp. 12–19].

Some authors recommend considering effectiveness as achieving a goal with minimum costs [47, pp. 43-44; 4, p. 21]. Those are supposed to include the material costs of lawmaking, the costs and benefits of adopting the norm, the relationship between costs and benefits [15, p. 821], the efficiency of the norm (costs associated with criminal proceedings, determined by the number of qualifying signs included in the subject of proof) [14]. However, as we have already stated, effectiveness determined on the basis of the cost criterion is identical to optimality, in which the best compromise will be the one between some deterioration in results and reduction in expenditure to an acceptable level. This indicator can vary significantly depending on the goals and objectives that the legislator proclaims and on the material resources available to the state. At the same time, it is impossible to assess the effectiveness of criminal law norms without taking into account the results achieved. And if we are talking about preventing the most dangerous crimes against life and health, state security and a number of others, then we can speak about the preference for particular versions of the criminal law

rule only when one of them entails lower costs with the same effectiveness.

The presence of alternative sanctions in many norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation does not at all mean that assessment of the effectiveness of the relevant penalties should be performed taking into account the economic costs of their execution. Choosing the type of punishment, in each case the judge proceeds from the possibility of achieving the goals proclaimed in Article 43 of the Criminal Code taking into account a variety of circumstances. Therefore, bearing in mind the cost-effectiveness criterion, when choosing from alternative sanctions it is necessary to select only those of them which either demonstrate maximum effectiveness at similar costs or allow for achieving similar effectiveness at lower costs. However, if the rule of law demonstrates high effectiveness, an increase in the cost of its implementation may be acceptable, providing the state has sufficient resources.

It appears that cost criteria should be considered in the lawmaking process when assessing the costs of implementing criminal law. However, we deem it incorrect to apply them as a criterion for evaluating the effectiveness of criminal law norms.

Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Punishment

As we stated above, the concept “effectiveness” in the field of criminal law means the capability of criminal law to achieve the goals of criminal law impact. However, in criminal law, independent goals are specified only for criminal penalties. Therefore, it is possible to assess the effectiveness of the entire criminal law regulation only based on the information on the achievement of these goals. Unfortunately, objective indicators of implementation may be proposed not for all goals.

In accordance with Part 1 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation, correction involves the formation in a convict of a respectful attitude towards the people as such, society, labor, norms, rules and traditions of human society and the encouragement of law-abiding behavior. Criminal law does not

законодательстве желаемые результаты и исправления не раскрываются. Однако есть основания полагать, что они понимаются иначе. В соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ, если суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать его условным. Однако в таком случае непонятно, почему данное лицо вообще совершило преступление. Вероятным представляется, что под возможностью исправления в УК РФ в данном случае понимается изменение ценностных установок личности под влиянием морального потрясения, которое испытывает лицо, представшее перед судом. Однако такое исправление не тождественно тому, как его понимает УИК РФ.

В теоретической литературе исправление осужденных в процессе отбывания наказания рассматривается как изменение внутренних качеств личности, под воздействием чего субъект воздерживается в будущем от совершения преступлений [35, с. 111; 38, с. 114; 48, с. 37].

К сожалению, мы не видим способов выяснить, достигается ли цель исправления. Невозможно узнать, действительно ли осужденный изменил свое отношение к базовым ценностям, пересмотрел свои представления о жизни или остался на прежнем уровне. Объективной оценке доступно лишь поведение человека, которое может с определенной долей вероятности служить свидетельством произошедших в личности перемен. Однако даже если преступная деятельность будет возобновлена, мы не всегда можем утверждать, что причиной рецидива является неэффективность отбытого ранее наказания.

Оценку эффективности исправительного воздействия уголовного наказания затрудняет также ряд других обстоятельств. В отечественной криминологии распространено представление о том, что совершение преступлений причинно связано с деформациями личности, произошедшими в результате каких-либо негативных воздействий [26, с. 176–177]. Подобные взгляды отражены в положениях как уголовного, так и уголовно-исполнительного законодательства. При таком подходе позиция законодателя, закрепившего исправление в качестве цели уголовного наказания, представляется оправданной: появляются точно определенные цели приложения исправитель-

ного воздействия (деформации личности) и его способы (труд, воспитательная работа и т. д.). Однако существуют иные воззрения, способные потенциально привести к пересмотру вопроса о сущности и методах исправительного воздействия. Так, Ю. М. Антонян усматривает причину преступлений во многих случаях в бессознательных переживаниях индивида [2, с. 110–112]. Э. А. Поздняков показывает, что человеческой природе соблюдение норм не свойственно. Склонность к отклоняющемуся поведению, по мнению этого автора, на самом деле и есть норма для человека [49, с. 181]. В пользу этого предположения, исключая его даже теоретическую возможность исправления, свидетельствуют огромное количество латентных преступлений, высокий удельный вес в общей массе осужденных лиц, совершивших преступление впервые, и ранее не состоявших на профилактических учетах, терпимость населения к отдельным видам преступлений. Сходное мнение высказано И. Я. Козаченко: человек, развивающийся в нездоровой био-, социосфере, не может быть совершенным [24, с. 115].

Обстоятельством, подрывающим уверенность в возможности оценки эффективности исправительного воздействия наказания, является высочайшая сложность прогнозирования поведения человека. Лауреат Нобелевской премии, американский физиолог и биохимик Джордж Уолд утверждает: хотя поведение человека детерминировано неповторимым набором его биологических (генетических) особенностей и личной историей, оно, тем не менее, не поддается прогнозированию (является непредсказуемым) [64, с. 82–83].

Как отмечает И. Р. Пригожин, классическая наука до последнего времени сталкивалась в основном с линейными системами, положение которых детерминировано их предшествующим состоянием. Однако в наблюдаемом мире такие предсказуемые системы составляют лишь крохотную долю. В подавляющем же большинстве случаев прогнозирование возможно лишь в весьма ограниченных пределах. Большинство систем являются нелинейными. В определенные моменты в результате сильного воздействия такие системы попадают в точки бифуркации, т. е. точки, в которых сколь угодно малое внешнее воздействие способно

specify the desired results of correction. However, there is reason to believe that they are understood differently. In accordance with Part 1 of Article 79 of the Criminal Code, if the court concludes that a convicted person can be corrected without actually serving the sentence, it holds to consider it conditional. However, in this case it is not clear why this person committed a crime at all. It seems likely that the possibility of correction in the Criminal Code of the Russian Federation in this case is understood as the change in the personal values of the individual under the influence of the moral upheaval experienced by this person when facing trial. However, such understanding of correction is not identical to how the Penal Code understands it.

In theoretical literature, the correction of convicts in the process of serving a sentence is considered as a change in the personal qualities of the individual, under influence of which the person refrains from committing crimes in the future [48, p. 37; 38, p. 114; 35, p. 111].

Unfortunately, we see no ways to find out if the goal of correction has been achieved. It is impossible to know whether a convict has really changed his attitude towards basic values, revised his ideas about life, or remained with the same convictions and values. It is only behavior of a person that may be subjected to objective assessment; with a certain degree of probability, it can serve as an evidence of the changes in personality. However, even if criminal activity is resumed, we cannot always claim that it is ineffectiveness of the punishment served earlier to blame for the recidivism.

A number of other circumstances also make it difficult to assess the effectiveness of the correctional impact of criminal punishment. In Russian criminology, it is widely believed that committing crimes is causally related to deformations in personality that have occurred as a result of some negative impacts [26, pp. 176–177]. Similar views are reflected in the provisions of both criminal and penal legislation. Under this approach, the position of the legislator, considering correction to be one of the goals of criminal punishment

seems to be justified: there appear precisely defined goals of the application of correctional impact (personality deformation) and its methods (work, educational work, etc.). However, there are other views, which could potentially lead to revising the issue of the nature and methods of correctional treatment. For example, Yu. M. Antonyan sees the cause of crimes in many cases in the unconscious experiences of the individual [2, pp. 110–112]. E. A. Pozdnyakov shows that adherence to norms is not characteristic of human nature. According to this author, the tendency to deviate behavior is, in fact, a norm for a person [49, p. 181]. This assumption, which excludes even a theoretical possibility of correction, is evidenced by a huge number of latent crimes, a high proportion of the persons who have committed a crime for the first time and who have not previously been on file, and the population's tolerance for certain types of crimes. A similar opinion was expressed by I. Ya. Kozachenko: a person developing in an unhealthy bio-sociosphere cannot be perfect [24, p. 115].

The circumstance that casts doubts on the possibility of assessing the effectiveness of the correctional impact of punishment is the considerable difficulty in predicting human behavior. Nobel Prize winner, American physiologist and biochemist George Wald demonstrated that, although human behavior is determined by the unique set of biological (genetic) features and personal history of the person, it is nonetheless unpredictable and cannot be forecasted [64, pp. 82–83].

As I. R. Prigozhin notes, until recently, classical science dealt with mainly linear systems, whose position is determined by their previous state. However, in the presently observed world, such predictable systems make up only a tiny fraction. In most cases, forecasting is only possible in very narrow limits. Most systems are non-linear. As a result of a strong impact, at certain moments such systems fall into bifurcation points, that is, points at which an arbitrarily small external

повлечь сколь угодно большие изменения поведения всей системы [50, с. 46].

Поэтому прогностические возможности науки, в соответствии с представлениями И. Р. Пригожина, ограничиваются периодами времени между точками бифуркации.

Представляется, что идеи И. Р. Пригожина могут быть распространены и на прогнозирование индивидуального преступного поведения. Традиционными для отечественной криминологии являются взгляды на общество и человека как на прогнозируемые системы: располагая сведениями о человеке, его окружении, условиях воспитания и т.д., мы можем определить вероятность совершения им преступлений в будущем [13, с. 472]. К сожалению, современное общество не является стабильным. В жизни каждого из нас возникают экстремальные ситуации, когда дальнейшие действия совершаются спонтанно, без обдумывания и учета возможных негативных последствий. Общество испытывает огромное количество бифуркаций, что существенно ограничивает прогнозируемые возможности социальных наук [51, с. 276]. Однако это справедливо и по отношению к возможности прогноза в отношении отдельных индивидуумов.

В этом свете по-новому воспринимаются представленные в криминологии данные о случайном характере многих преступлений. Как показали А. Э. Жалинский и А. А. Герасун, большая часть убийств, изнасилований, разбоев и грабежей были совершены спонтанно, неожиданно для всех [16, с. 4–5]. Это может означать, что виновные по своему поведению, системе ценностей, убеждениям не выделялись на фоне основной массы населения и не вызвали соответствующих опасений.

По сведениям, приведенным А. Ф. Зелинским, в 85 % случаев насильственные преступления совершались непреднамеренно: у 31,2 % осужденных за такие преступления умысел на преступление возник в момент встречи с потерпевшим, у 24 % – во время ссоры, у 10,8 % – в драке, у 7 % – как реакция на оскорбление, насильственные или иные неправомерные действия со стороны потерпевших; 12 % опрошенных лиц заявили об отсутствии преступного умысла и затруднились объяснить свое поведение. Более 2/3 указали, что имели нормальные,

а часто и дружеские отношения с потерпевшими до начала посягательства [17, с. 53–54].

В материалах проведенного нами анкетирования осужденных одним из самых распространенных ответов на вопрос «почему Вы совершили преступление?» был «озорство» (22,8 %). Еще 20,0 % опрошенных в своих ответах приводили такие причины, как «стечение обстоятельств», «спонтанность», «случайность», «самооборона», «по глупости» и т. д.

Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайной сложности, если не о принципиальной невозможности прогнозирования поведения человека на отдаленную перспективу. Этот вывод имеет непосредственное отношение к цели исправления осужденных. Суды, принимая решение об освобождении от уголовного наказания (например, при условно-досрочном освобождении), учитывают возможность ее достижения без дальнейшего отбывания наказания. В соответствии с данными судебной статистики в 2015 г. из 239 794 лиц, имевших на момент судебного рассмотрения дела неснятую или непогашенную судимость, только 115 601 (48,2 %) отбыли предыдущее наказание полностью¹. В 2017 г. число полностью отбывших предыдущее наказание уменьшилось до 43,5 % (100 960 из 231 616 осужденных, имевших судимость)². Следовательно, в отношении большинства осужденных, освобожденных ранее досрочно, оценка степени исправления и основанные на ней прогнозы индивидуального поведения оказались неверными.

Также необходимо заметить, что исправление, согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ, означает, что убеждения личности, система ценностей должна быть приведена к общепринятой норме. Вместе с тем в России сегодня мы видим резкое имущественное расслоение общества, когда сложно говорить о наличии общепринятых норм нравственности. В обществе появились

¹ См.: Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 г. по ф. 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления», разд. 2 «Характеристика преступления, его рецидива и повторности». URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k5-svod-2015.xls (дата обращения: 27.12.2016).

² См.: Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017 г. по ф. 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления», разд. 2 «Характеристика преступления, его рецидива и повторности». URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k5-svod-2017.xls (дата обращения: 20.07.2018).

effect can entail arbitrarily large changes in the behavior of the entire system [50, p. 46].

Therefore, in accordance with the ideas of I. R. Prigozhin, the prognostic capabilities of science are limited to the time periods between the bifurcation points.

It seems that the ideas of I. R. Prigozhin can be extended to the prediction of individual criminal behavior. It is traditional for Russian criminology to view society and a person as predictable systems: having information about the person, his environment, family background, etc., we can determine the likelihood of his committing crimes in the future [13, p. 472]. Unfortunately, modern society is not stable. Extreme situations arise in the life of each of us, in which case further actions are carried out spontaneously, without considering and taking into account possible negative consequences. The society experiences a huge number of bifurcations, which significantly limits the predictive capabilities of social sciences [51, p. 276]. This is also true in relation to the possibility of forecasting the behavior of individuals.

In this light, the data presented in criminology about the random nature of many crimes are perceived in a new way. As A. E. Zhalinsky and A. A. Gerasun showed, most of the murders, rapes, and robberies were committed spontaneously, unexpectedly for everyone [16, pp. 4–5]. This may mean that in their behavior, personal values and convictions the perpetrators did not stand out against the background of the majority of population and did not cause the corresponding anxiety.

According to the information given by A. F. Zelinsky, in 85 % of cases, violent crimes were committed unintentionally: in 31.2 % of those convicted of such crimes, the intent to commit a crime arose at the time of the meeting the victim, in 24 % – during an argument, in 0.8 % – during a fight, in 7 % – as a reaction to an insult, violent or other illegal actions by the victims; 12 % of those interviewed said they had no criminal intent and found it difficult to explain their behavior. More than 2/3 stated that they had normal and

often friendly relations with the victims before the encroachment [17, pp. 53–54].

In the materials of a survey that we conducted among convicts, one of the most common answers to the question “why did you commit a crime?” was “mischief” (22.8 %). 20.0 % of the respondents stated such reasons as “coincidence”, “spontaneity”, “contingency”, “self-defense”, “through stupidity”, etc.

These data indicate the extreme complexity, not to say fundamental impossibility, of predicting human behavior for a long term. This conclusion is directly related to the goal of correcting convicts. Courts, when deciding on exemption from criminal punishment (for example, with parole), take into account the possibility of achieving it without further serving the sentence. According to judicial statistics, in 2015, out of 239,794 persons who had an unspent conviction at the time of the trial, only 115,601 (48.2 %) served their previous sentence in full¹. In 2017, the number of those who had fully served their previous sentence decreased to 43.5 % (100,960 out of 231,616 convicts who had a criminal record)². Consequently, in respect to the majority of convicts who had been released on parole before, the assessment of the degree of their correction and predictions of individual behavior based on it turned out to be incorrect.

It should also be noted that correction, according to Part 1 of Article 9 of the Penal Code means that the beliefs of the individual and their system of values should be brought to the generally accepted norm. At the same time, in Russia there has developed a situation characterized by a sharp property stratification of society, and so it is difficult to speak about the existence of generally

¹ See: Report of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2015 in form 11 “Report on the composition of convicts, the place of crime”, section 2 “Characteristics of the crime, its relapse and repetition” [Electronic resource]. Available at: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k5-svod-2015.xls (accessed 27.12.2016).

² See: Report of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2017 in form 11 “Report on the composition of convicts, the place of crime”, section 2 “Characteristics of the crime, its relapse and repetition” [Electronic resource]. Available at: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k5-svod-2017.xls (accessed 20.07.2018).

отдельные группы населения, объединяемые равным имущественным положением, отношением к средствам производства. Такие группы характеризуются специфическими нормами нравственности. Как указывал в связи с этим К. Маркс, способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание [36, с. 7].

Скепсис относительно возможности исправления разделяют и осужденные. В ходе проведенного анкетирования всего 19 % респондентов безоговорочно признали возможность исправления наказанием, в то время как 29 % ответили отрицательно, а 52 % поставили возможность исправления в зависимость от стойкости антиобщественной направленности личности.

Таким образом, единственным объективным критерием исправления может быть лишь несовершенство лицом новых преступлений, что на практике тождественно достижению цели специального предупреждения.

В настоящее время в теории отсутствует ясность и относительно цели достижения социальной справедливости. Ряд ученых высказывались против ее закрепления в ст. 43 УК РФ [33, с. 109; 63, с. 350]. Другие отмечают ее компенсационный характер, состоящий в восстановлении нарушенных прав и интересов потерпевших [28, с. 21; 41, с. 364]. Третьи полагают, что она достигается назначением наказания, соразмерного тяжести совершенного преступления, личности виновного [1, с. 45]. Четвертые понимают ее как необходимость удовлетворения чувства справедливости потерпевших и всего общества, а также неотвратимость наказания [18, с. 13].

Если предположить, что восстановление социальной справедливости достигается путем привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания, то проблем в части оценки эффективности этой цели не возникает: наказание назначено, значит, социальная справедливость восстановлена. Такая оценка бытует в общественном мнении. Например, американские ученые отмечают, что население считает тюремное заключение самым справедливым на-

казанием [73, p. 223]. Об этом же свидетельствуют и другие исследования за иные годы [77].

Однако эффективность реализации цели здесь связана не с исполнением наказания, а с формальной процедурой его назначения: при соблюдении процедуры цель восстановления социальной справедливости сразу же реализуется. Не трудно заметить, что при подобном подходе происходит подмена цели уголовного наказания целью процессуальной.

Если восстановление социальной справедливости рассматривать как приведение в исходное состояние нарушенных преступлением общественных отношений, то, как указывает В. Г. Громов, она в случаях убийств, причинения вреда здоровью, материального ущерба и ряде других не может быть достигнута [11, с. 156].

Г. В. Верина связывает восстановление социальной справедливости с восстановлением морально-психологического спокойствия населения, авторитета закона, нарушенных преступлением общественных отношений, а также с привлечением преступника к ответственности с назначением справедливого наказания [8, с. 139]. Назначение виновному справедливого наказания, по нашему мнению, не может являться специфическим содержанием цели восстановления справедливости, поскольку в данном случае имеет место реализация уголовно-правового принципа справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ): наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Иными словами, назначение справедливого наказания осужденному – это не цель института наказания, а лишь одно из средств реализации задач Уголовного кодекса РФ.

В настоящее время большую часть осужденных в России составляют лица, не имеющие определенного источника доходов (рис. 1).

Уровень преступности в среде безработных, особенно мужчин, многократно превышает соответствующий уровень для работающих граждан (примерно в 30 раз). Большая часть осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не имеют высшего

accepted norms of morality. In society, there appeared separate groups of the population, united by an equal property status and relation to the means of production. Such groups are characterized by specific norms of morality. As K. Marx pointed out in this regard, the mode of production of material life determines the social, political, and spiritual processes of life in general. Not the consciousness of people determines their being, but, on the contrary, their social being determines their consciousness [36, p. 7].

The skepticism regarding the possibility of correction is shared by the convicts. In course of the survey, only 19 % of respondents unconditionally recognized the possibility of correction by punishment, while 29 % answered negatively, and 52 % put the possibility of correction dependent on the persistence of the individual's antisocial orientation.

Thus, the only objective criterion to assess correction is not committing new crimes by a person, which in practice is identical to achieving the goal of special prevention.

At present, in theory there is also no clarity with regard to the goal of achieving social justice. A number of scientists spoke out against its fixation in Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation [63, p. 350; 33, p. 109]. Others note its compensatory nature, consisting in the restoration of the violated rights and interests of the victims [28, p. 21; 41, p. 364]. Still others believe that it is achieved by imposing punishment commensurate with the gravity of the crime committed, personality of the perpetrator [1, p. 45]. Some scientists understand it as the need to satisfy the sense of justice of the victims and the whole society, as well as the inevitability of punishment [18, p. 13].

If we assume that restoration of social justice is achieved by bringing to criminal liability and imposing punishment, then problems of evaluating the effectiveness of this goal do not arise: punishment has been imposed, which means that social justice has been restored. Such an assessment exists in public opinion. For example, American scientists note that the population considers impris-

onment the fairest punishment [73, p. 223]. This is also indicated by other studies [77].

However, under this approach, the effectiveness of the accomplishment of the goal is connected not with the execution of the punishment but with the formal procedure of imposing it: upon observance of the procedure, the goal of restoring social justice is immediately attained. However, it is clear that, with such an approach there is a substitution of the goal of criminal punishment with a procedural purpose.

If restoration of social justice is regarded as bringing the social relations violated by a crime to the initial state, then, as V. G. Gromov points out, it cannot be achieved in cases of murder, injury to health, material damage, and a number of others [11, p. 156].

G. V. Verina connects restoration of social justice with restoration of the moral and psychological calm of the population, the authority of the law, the public relations violated by the crime, and bringing the criminal to justice with imposition of a fair penalty [8, p. 139]. In our opinion, imposition of a fair penalty on the guilty person, cannot constitute a specific content of the goal of restoring justice, because in this case there occurs implementation of the criminal law principle of justice (Part 1 of Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation): punishment and other measures of criminal law applicable to the person who committed a crime must be fair, that is, appropriate to the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator. In other words, the imposition of a fair punishment on a convicted person is not the goal of the institution of punishment but only one of the means to accomplish the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation.

Currently, most of the convicts in Russia are individuals who do not have a specific source of income (Fig. 1).

The crime rate among the unemployed, especially men, is many times higher than the corresponding level for working citizens (approximately 30 times). Most convicts serving sentences of imprisonment do not have higher education. Undoubtedly, some of them deliberately take an antisocial position.

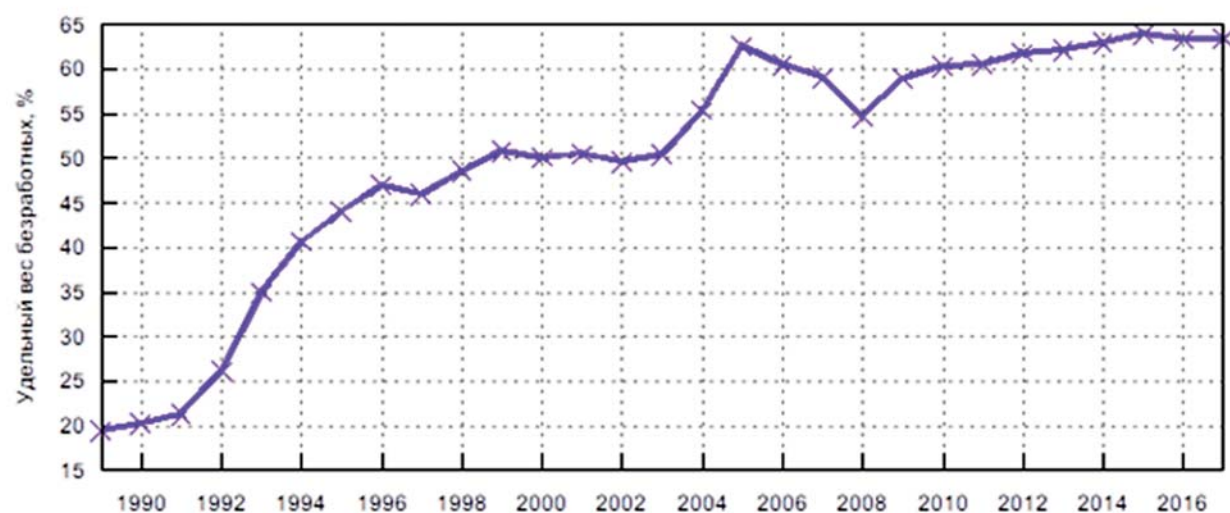

Рис. 1. Удельный вес лиц, не имевших определенного источника дохода в общей массе осужденных в России

образования. Несомненно, некоторые из них сознательно занимают антисоциальную позицию. Однако большинство лишились работы вследствие деформаций экономических и социальных отношений, т. е. в силу социальной несправедливости, имеющей место в известной мере нашему обществу. Поэтому ее восстановление путем назначения таким лицам уголовных наказаний представляется проблематичным.

В такой ситуации применение уголовного наказания не восстанавливает, а лишь усугубляет социальную несправедливость, выступающую в ряде случаев причиной совершения преступления. Неустроенные, оступившиеся граждане оказываются в еще более тяжелой ситуации, чем до совершения преступления, в то время как более состоятельные преступники (например, взяточники), скорее всего, строгого наказания смогут избежать. Понятно, что восстановить в полном объеме социальную справедливость средствами одного лишь наказания невозможно. Поэтому все что остается судьям – проявлять максимально возможную снисходительность к обездоленным.

В ходе проведенного нами анкетирования на вопрос «какое наказание более эффективно – строгое или справедливое?» подавляющее большинство осужденных (92 %) ответили «справедливое» и лишь 8 % – «строгое». Вместе с тем лишь 47 % согласились, что назначенное им наказание является справедливым, тогда как 53 % считали его несправедливым.

Зарубежные авторы полагают, что справедливость уголовного наказания является средством достижения социальной справедливости и спокойствия в обществе [74]. Несмотря на важность цели восстановления социальной справедливости, каких-либо объективных критериев ее достижения в теории не предложено. Единственным вариантом, как представляется, могут быть опросы граждан на предмет оценки ими складывающейся практики назначения наказаний.

Таким образом, для целей исправления осужденных и восстановления социальной справедливости весьма проблематично определить объективные критерии эффективности их реализации.

Иная ситуация складывается относительно третьей цели уголовного наказания – предупреждения преступлений. В уголовно-правовой теории предложены объективные критерии оценки ее достижения: динамика рецидива преступлений, характеризующая эффективность индивидуального предупреждения; и динамика преступности, отражающая эффективность общей превенции [69, с. 61]. Оценка эффективности наказания, по мнению отдельных авторов, может быть ограничена изучением его предупредительного воздействия [40, с. 16]. Такой подход представляется целесообразным, поскольку цель предупреждения преступлений исторически рассматривалась как первоочередная, а иногда и основная цель наказания [3, с. 105–106].

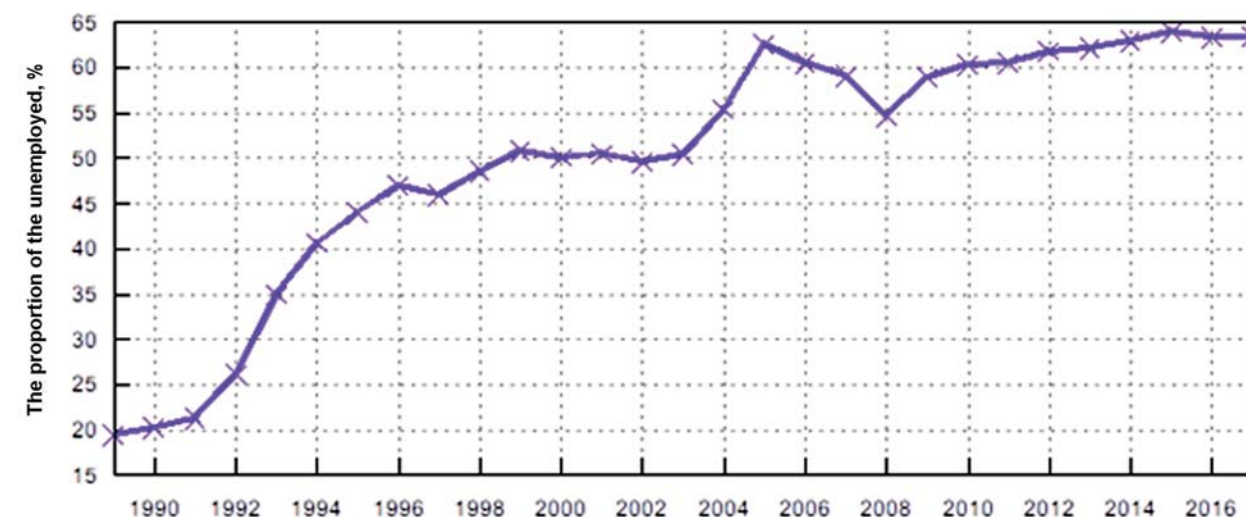

Fig. 1. The proportion of persons without a certain source of income in the total number of convicts in Russia

However, the majority lost their jobs due to deformations of economic and social relations, that is, due to social injustice, which is inherent in our society to some extent. Therefore, its restoration by imposing criminal sanctions on such persons is problematic.

In this situation, the application of criminal punishment not restores but only exacerbates social injustice, which in some cases serves as the reason for committing a crime. Citizens who took a false step find themselves in a situation even worse than that they had before committing a crime, while more affluent criminals (for example, bribe takers) are likely to avoid severe punishment. It is clear that it is impossible to restore social justice in full by means of punishment alone. Therefore, all that remains for the judges is to show the greatest possible leniency towards the disadvantaged.

In course of the survey we conducted, when asked the question “Which punishment is more effective: strict or fair?”, the overwhelming majority of the convicts (92 %) answered “fair” and only 8 % chose “strict”. However, only 47 % agreed that their punishment was fair, while 53 % considered it unjust.

Foreign authors believe that the justice of criminal punishment is a means of achieving social justice and peace in society [74]. Despite the importance of the goal of restoring social justice, no objective criteria for its achievement are proposed in theory. In this situation, surveying citizens about their assessment of the current practice of sentencing appears to be the only option.

Thus, in terms of the purposes of correcting convicts and restoring social justice, it is rather difficult to find objective criteria to assess the effectiveness of their implementation.

The situation is different with respect to the third goal of criminal punishment – crime prevention. In the criminal law theory, there are objective criteria proposed for assessing its achievement – the dynamics of recidivism, which characterizes the effectiveness of individual prevention and the dynamics of crime, reflecting the effectiveness of general prevention [69, p. 61]. According to some authors, evaluation of the effectiveness of punishment may be limited to studying its preventive effect [40, p. 16]. Such an approach seems appropriate, since the goal of crime prevention has historically been viewed as the primary, and sometimes the main goal of punishment [3, pp. 105–106].

Вместе с тем предпринимались попытки исследования эффективности достижения цели исправления осужденных. В частности, С. М. Фролова предлагает оценивать эффективность исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, на основании данных об уровне рецидива [68, с. 58]. Таким образом, в качестве критерия исправления она использует рецидив преступления, динамику которого М. Д. Шаргородский предлагал использовать при оценке эффективности специальной превенции. Получается, что, основываясь на показателях преступности, мы не можем предложить различные критерии для исправления и предупреждения преступлений. Данное обстоятельство свидетельствует, во-первых, о сложности разграничения эмпирических проявлений исправления и частного предупреждения преступлений и, во-вторых, о главенстве цели предупреждения преступлений, поглощающей в своих проявлениях результаты исправления.

Полагаем, что предупредительный эффект наказания будет максимальным при назначении справедливых наказаний. Это следует из результатов проведенного нами опроса осужденных, о котором говорилось выше. Поэтому не будет большим преувеличением рассматривать эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания в качестве интегрального показателя, отражающего в том числе и качество исправления осужденных, и справедливость назначаемых наказаний, и эффективность уголовного наказания в целом.

Необходимо также разграничить понятие «эффективность уголовного наказания» и смежные понятия, используемые в уголовно-правовой теории, прежде всего понятие «эффективность исполнения отдельных видов наказания». Представляется, что их нельзя смешивать, поскольку в первом случае нас интересует достижение целей уголовного наказания, а во втором – качество его исполнения.

По мнению Б. С. Бикситовой, изучавшей проблему эффективности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, эффективность деятельности мест лишения свободы и иных органов исполнения наказания измеряется «успешностью» в исполнении приговоров и достижении целей наказания [4, с. 24]. Полностью согласиться с таким утверждением можно было бы при условии, что су-

ды во всех случаях правильно применяют уголовный и уголовно-процессуальный закон и назначают такие наказания, которые наилучшим образом способствуют реализации провозглашенных в ст. 43 УК РФ целей. Если бы такая ситуация имела место в действительности, то, наверное, у Верховного Суда РФ не было бы необходимости периодически корректировать деятельность нижестоящих судов, равно как у исследователей преступности не возникла бы необходимость анализировать судебную практику на предмет ее эффективности.

Однако в приговорах могут быть допущены неточности при квалификации преступлений, наказание не всегда соответствует тяжести содеянного. Поэтому органы исполнения уголовных наказаний могут способствовать достижению целей уголовного наказания лишь в пределах своей ограниченной компетенции, а успешное исполнение необоснованного приговора вряд ли способствует повышению эффективности уголовного наказания.

В ряде случаев несовершенно сама процедура исполнения уголовного наказания. Об этом свидетельствует тот факт, что осужденные, отбывшие наказание, наиболее интенсивно рецидивизируют в первый год после освобождения. Это говорит о недостатках подготовки к освобождению от наказания. Поэтому, как видно из графика (рис. 2), максимальная вероятность рецидива существует в первый год после освобождения от отбывания наказания, что объясняется наивысшим уровнем дезадаптации к условиям жизни на свободе, что приводит к конфликтным ситуациям, неумеренному употреблению алкоголя, повторным преступлениям. Не случайно во многих странах широко используется система probation, чтобы успешнее подготовить осужденного к жизни на свободе и удержать от новых преступлений [78; 80; 81; 82].

Впрочем, и отрицать влияние качества исполнения уголовного наказания на его эффективность было бы неверно. Ослабление надзора за осужденными, попустительство нарушениям режима содержания в исправительных учреждениях способны существенно ослабить эффективность наказания. В этом же ряду следует упомянуть и различные проявления агрессии в отношении осужденных со стороны сотрудников исправительных учреждений, интен-

At the same time, attempts were made to investigate the effectiveness of achieving the goal of correcting convicts. In particular, S. M. Frolova, suggests evaluating the effectiveness of correctional works assigned to minors based on the data on the level of recidivism [68, p. 58]. Thus, as the correction criteria she uses repetition of the crime, the dynamics of which M. D. Shargorodsky proposed to use when evaluating the effectiveness of special prevention. It turns out that, based on crime rates, we cannot offer different criteria for correction and for prevention of crimes. This circumstance testifies, firstly, to the difficulty of distinguishing between empirical manifestations of correction and private prevention of crimes and, secondly, to the primacy of the goal of prevention of crimes, which absorbs the results of correction.

We believe that the preventive effect of punishment would be maximized when imposing fair punishments. This follows from the results of our survey of convicts, presented above. Therefore, it would not be a great exaggeration to regard effectiveness of the preventive impact of criminal punishment as an integral indicator reflecting, among other things, the quality of convicts' correction, fairness of the punishments imposed, and effectiveness of criminal punishment in general.

It is also necessary to distinguish between the concept "effectiveness of criminal punishment" and related concepts used in the criminal law theory, first of all, "effectiveness of execution of certain types of punishment". It seems that they should not be confused, since in the first case we are primarily interested in achieving the goals of criminal punishment, while in the second – in the quality of its execution.

According to B. S. Biksitova, who studied effectiveness of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment, effectiveness of the functioning of places of confinement and other law enforcement institutions is measured by the "success" in enforcing sentences and achieving the goals of punishment [4, p. 24]. It would be possible to fully agree with this state-

ment provided that the in all cases courts correctly apply the criminal and procedure law and impose such punishments that best facilitate the accomplishment of goals proclaimed in Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. If such a situation took place in reality, then, probably, the Supreme Court of the Russian Federation would not need to periodically adjust the operation of lower courts, nor would crime researchers have the need to analyze judicial practice with respect to its effectiveness.

However, in sentences there may occur inaccuracies in the qualification of acts, and punishments do not always correspond to the personality of the offender. Therefore, the authorities in charge of the execution of criminal punishments can contribute to achieving the goals of criminal punishment only within the limits of their competence; and successful execution of an unjustified sentence is unlikely to increase the effectiveness of criminal punishment.

In some cases, the very procedure for the execution of criminal punishment is imperfect. This is evidenced by the fact that convicts who have served their sentences show a tendency to recidivism mainly during the first year after their release. This speaks of the shortcomings in preparation for release. Therefore, as can be seen from the graph in Fig. 2, the maximum probability of recurrence of crime exists in the first year after release from serving a sentence, which is explained by the highest level of maladjustment to the conditions of living in freedom, which leads to conflict situations, excessive drinking alcohol, repeated crimes. It is not by chance that in many countries there is a probation system widely used to more successfully prepare convicts for life in freedom and to deter them from committing new crimes [78, 80, 81, 82].

However, it would be wrong to deny the influence of the quality of execution of a criminal punishment on its effectiveness. The weakening of the supervision of convicts, the indulgence in violations of the regime of detention in correctional institutions can significantly weaken the effectiveness of punishment. Of the same effect

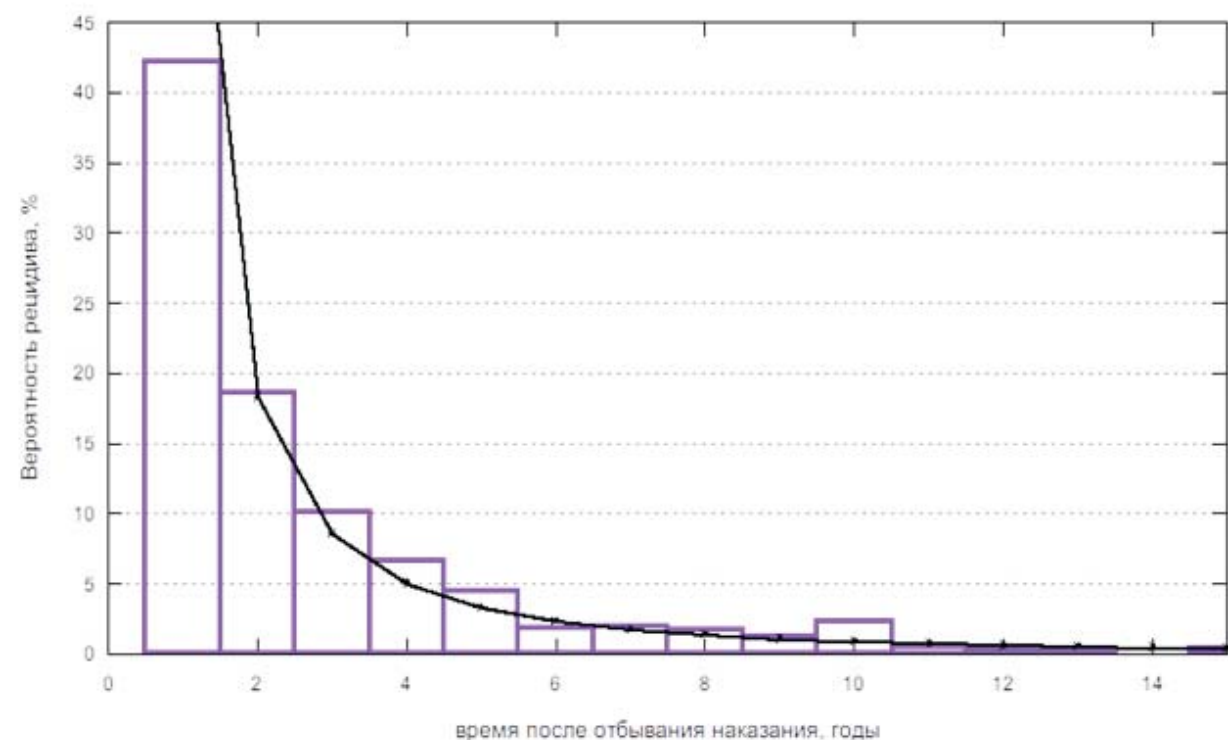

Рис. 2. Вероятность рецидива в различные периоды времени после освобождения от отбывания наказания (по данным авторов)

сивность которых, как отмечают исследователи, зависит от самых различных факторов [76, р. 17–18]. Отмечается, что многие осужденные к лишению свободы страдают различными психическими заболеваниями, и в первую очередь депрессивными расстройствами [72, р. 463].

Поэтому эффективность исполнения уголовных наказаний можно рассматривать как условную константу, в силу своего постоянства существенно не влияющую на динамику преступности и учитываемую в качестве критерия эффективности уголовного наказания.

О несовершенстве процедуры отбывания наказаний свидетельствует и тот факт, что преступления, совершаемые при рецидиве, как правило, являются более опасными, чем те, за которые лицо ранее отбывало наказание.

Например, из отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует, что из числа всех лиц, которые рецидивировали после освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы, 75,2 % повторно были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления [22, с. 169]. В 2014 г. при особо опасном рецидиве совершили убийства 610 чел., а при рецидиве и опасном рецидиве такие преступления совершили соответственно 642 и 581 чел. Иными словами, 2/3 убийц начинали свою преступ-

ную карьеру с менее тяжких преступлений. Сходная картина наблюдается и по другим особо тяжким преступлениям¹. В целом это характерно и для других стран. Так, согласно данным американских исследователей 2/3 осужденных за фелонии и находящихся на режиме probation были арестованы снова за тяжкое преступление [79, р. 46]. Таким образом, эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания определяется не только качеством его исполнения, но и совершенством законодательно установленной процедуры его отбывания и, особенно, подготовки к освобождению от его отбывания.

Несколько иначе обстоит дело с соотношением понятий «эффективность наказания» и «эффективность судебной практики».

В. С. Минская применяет их при анализе эффективности наказаний за коррупционные преступления, хотя их содержание не раскрывает. Однако из контекста можно сделать вывод, что она считает судебную практику по делам о коррупционных преступлениях неэффективной, поскольку судами не используется в полной мере карательный потенциал уголовных наказаний. Совершенство закона при от-

¹ См.: Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2014 г. по ф. 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления».

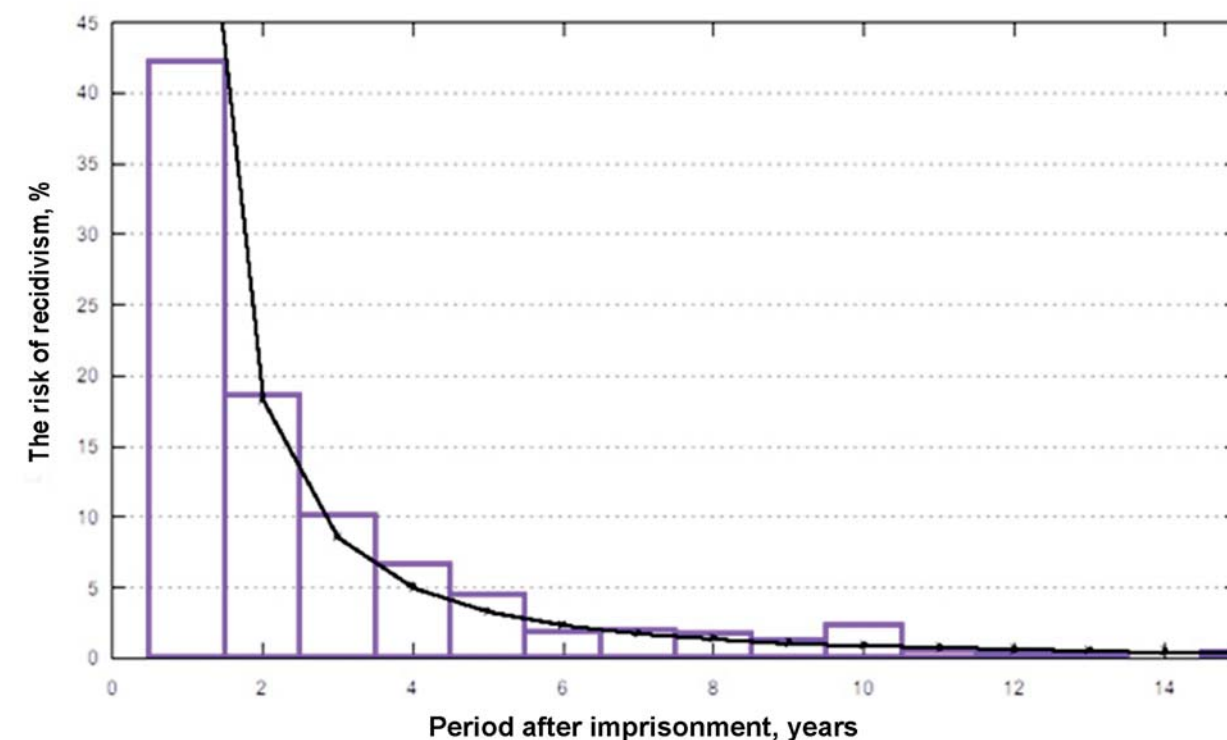

Fig. 2. The risk of recidivism in various periods after release (according to the data from the authors)

are various manifestations of aggression towards convicted on the part of staff, with their intensity depending on a variety of factors, as researchers note [76, pp. 17–18]. It is noted that many of those sentenced to deprivation of liberty suffer from various mental illnesses and, first of all, depressive disorders [72, p. 463].

Therefore, effectiveness of the execution of criminal punishments should be considered a conditional constant, which, by virtue of its constancy, that does not significantly affect the dynamics of crime and is taken into account as a criterion of the effectiveness of criminal punishment.

Another fact testifying to the imperfection of the procedure for serving sentences is that crimes committed recurrently are, as a rule, more dangerous than those for which the person had previously served a sentence.

For instance, from the reports of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, it follows that among all people who recurred after being released from serving a sentence of imprisonment, 75.2 % were convicted again for grave and especially grave crimes [22, p. 169]. In 2014, 610 people committed murder in course of an especially dangerous repeated relapse into crime, while in course of relapse and dangerous relapse such crimes were committed by 642

and 581 people correspondingly. In other words, 2/3 of the murderers began their criminal career with less serious crimes¹. A similar picture is observed for other particularly serious crimes. In general, this is also typical of other countries. For example, according to the data of American researchers, two-thirds of those convicted of felonies and being on probation mode were arrested again or for a serious crime [79, p. 46]. Thus, effectiveness of the preventive impact of criminal punishment is determined not only by the quality of its execution but also by the perfection of the legislatively established procedure for serving punishment and, especially, preparing for release from serving it.

The situation is somewhat different with the relationship between the concepts “effectiveness of punishment” and “effectiveness of judicial practice”.

V. S. Minskaya uses this term when analyzing effectiveness of punishments for corruption crimes, though, not clarifying its content. From the context, it can be concluded that she considers judicial practice in cases of corruption crimes to be ineffective, since the courts do not fully use the punitive potential of criminal penalties.

¹ See: Report of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2014 in form 11. “Report on the composition of convicts, the place of crime”.

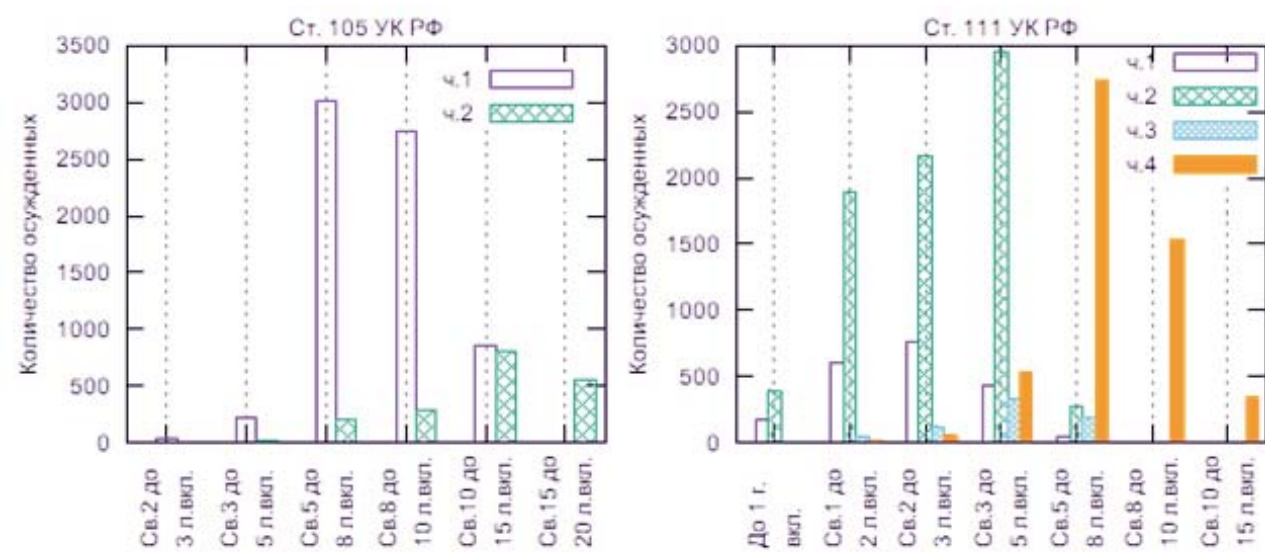

Рис. 3. Сроки лишения свободы за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 105, 111 УК РФ)

сутствии воли его применять является, по ее мнению, залогом неэффективности борьбы с преступностью [37, с. 60]. Таким образом, эффективность судебной практики ставится этим автором в прямую зависимость от использования судом карательного потенциала наказаний.

Несколько иначе подходит к определению этого понятия С. М. Иншаков: сравнивая мировую и отечественную тенденции назначения наказания ранее судимым, он резюмирует, что к наиболее опасным категориям преступников наши суды проявляют неоправданную мягкость [19, с. 41]. Следовательно, неэффективность судебной практики, по мнению этого ученого, порождается нарушением соответствия между тяжестью наказания и особенностями личности виновного.

Как показывает изучение судебной статистики, размеры назначаемых наказаний распределяются неравномерно в пределах между нижним и верхним пределами санкций (чего можно было бы ожидать исходя из того, что точная величина общественной опасности конкретного преступления и личности преступника – случайные величины). В большинстве случаев имеет место распределение размеров наказаний, близкое к нормальному, с характерной «колоколообразной формой» (рис. 3).

Для подобного вида распределения характерно то, что анализируемая величина с высокой степенью вероятности лежит в относительно узком диапазоне, что может свидетельствовать

о координации деятельности судов при выборе размеров наказаний по отдельным видам преступлений.

Весьма любопытная ситуация сложилась с практикой назначения наказаний за получение взятки (ст. 290 УК РФ). В большинстве случаев суды назначают необоснованно мягкие наказания, не соответствующие опасности взяточничества и потребностям борьбы с этим явлением, широко применяя назначение наказания ниже предела, установленного соответствующей частью ст. 290 УК РФ.

Не разделяют суды и озабоченность законодателя по поводу необходимости ужесточения ответственности для педофилов. Усиление наказания вплоть до пожизненного лишения свободы за насильственные половые преступления против малолетних, подаваемое в прессе как большой шаг в деле охраны прав детей, судами оказалось невостребованным.

Все сказанное наводит на мысль, что мы имеем дело с самостоятельной судебной политикой, в рамках которой суды при назначении наказаний ориентируются не только на установленные в УК РФ границы наказаний, но и на некие неофициальные установки. Например, в США судьи считают «сильными» уголовными делами (приговоры по которым не будут обжалованы и отменены) те, по которым участвуют присяжные, виновный признается в преступлении и сам виновный – опасный, заслуживающий сурового наказания преступник [71, p. 623].

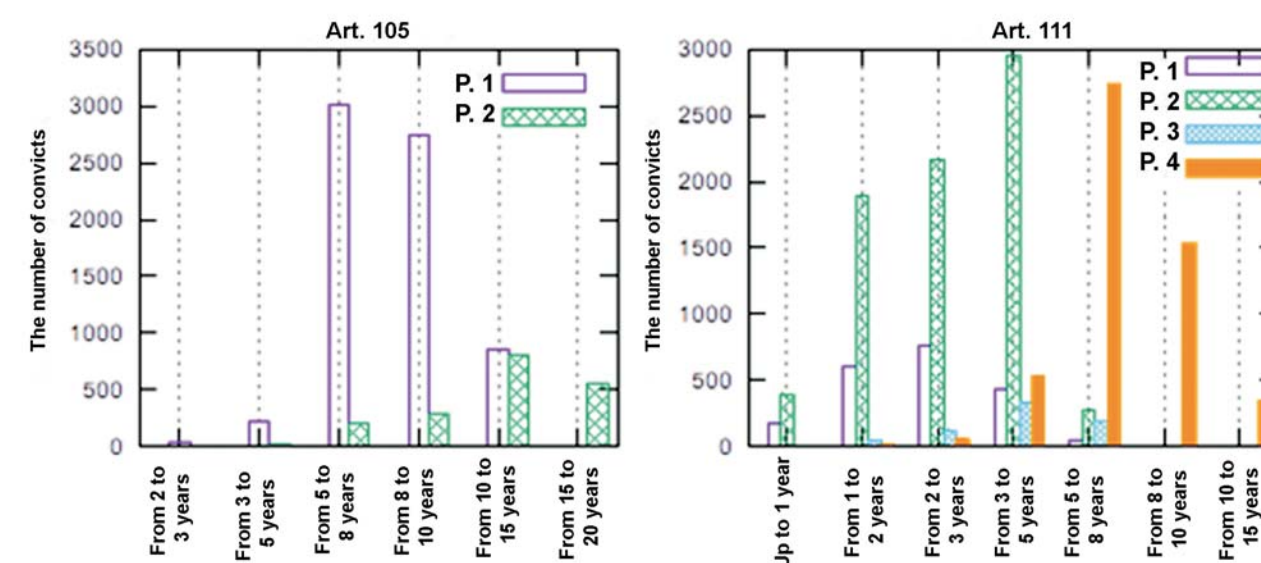

Fig. 3. Terms of imprisonment for murder and intentional infliction of grievous bodily harm (Articles 105, 111 of the Criminal Code of the Russian Federation)

The perfection of the law in the absence of the will to apply it is, in her opinion, the key to the ineffectiveness of the fight against crime [37, p. 60]. Thus, effectiveness of judicial practice is put by this author in direct dependence on the use of the punitive potential of punishments.

S. M. Inshakov approaches the definition of this concept somewhat differently: comparing the world and national tendencies of sentencing those previously convicted, he concludes that our courts show unjustified softness towards the most dangerous categories of criminals [19, p. 41]. Therefore, the ineffectiveness of judicial practice, in the opinion of this scholar, is as the study of judicial statistics shows, the amount of penalty imposed is not evenly distributed between the lower and upper limits of sanctions (as one would expect if proceeding from the fact that the exact public danger of the particular crime and the personality of the criminal is random). In most cases, there is a distribution of penalties which is close to normal, with a characteristic “bell” shape, such as, for example, in Fig. 3.

This type of distribution is characterized by the fact that with a high degree of probability the analyzed value lies in a relatively narrow range, which may indicate coordination of the activities of the courts when choosing the amount of penalties for certain types of crimes.

A very interesting situation has developed with the practice of imposing penalties for receiving a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation). In most cases, the courts impose unreasonably lenient punishments, which do not correspond to the danger of bribery and the needs of combating this phenomenon, widely imposing penalties below the limit established by the relevant part of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The courts also do not share the concern of the legislator about the need to toughen the liability for pedophiles. Strengthening the punishment up to life imprisonment for violent sexual crimes against juveniles, presented in the press as a big step forward in protecting the rights of children, turned out to be untapped by the courts.

All this considered, it looks like there is some independent judicial policy, and when imposing punishments the courts are guided not only by the limits of penalties established in the Criminal Code of the Russian Federation but also by some unofficial policies. For example, according to the position of the US judges, “strong” criminal cases (sentences for which will not be appealed and annulled) are those in which jurors participate, the guilty person admits his guilt, and the guilty person is a dangerous criminal deserving severe punishment [71, p. 623].

Модель оценки эффективности наказания

В рассуждениях о судебной практике были затронуты вопросы анализа эффективности наказания, в связи с чем нужно дать некоторые пояснения относительно предлагаемой модели его оценки.

Мы сознательно отказались от использования термина «методика», предполагающего точно определенные совокупность методов исследования и последовательность их применения. Вместо этого предлагается менее строгий термин «модель», под которым понимается не математическое моделирование, а базовые способы оценки, подходящие для анализа наказаний по большей части преступлений, а также индивидуальные, связанные с особенностями отдельных видов преступлений.

Для полноценного математического решения данной задачи в настоящее время не хватает теоретически осмысленных знаний о причинах и условиях преступности. Это утверждение может показаться парадоксальным: феномен преступности, ее причины и условия длительное время являются объектом пристального внимания криминологов. Общие представления о детерминантах преступности и ее механизме в теории изложены достаточно подробно. Однако до настоящего времени результативных попыток реализации математических моделей преступности не имеется, а сам метод ее математического моделирования до сих пор не востребован многими криминологами.

Примеры «промахов» математических моделей можно увидеть в работе В. А. Никонова [42], в которой изучалось воздействие уголовного наказания на преступность путем анализа коэффициентов корреляции между рядами данных об уровне отдельных видов преступлений и удельным весом отдельных видов наказаний, применяемых к осужденным за такие преступления, в общей массе наказаний за эти деяния за период с 1988 по 1992 г. На основании полученных данных автор рассчитывал коэффициенты для уравнения регрессии, выражающего линейную зависимость между интенсивностью применения наказаний и уровнем преступности. В настоящее время результаты этого исследования оказались невостребованными. Причина в том, что ученый опирался в своей работе на сведения, полученные в период бур-

ного роста преступности. Однако если бы автор проводил исследование в другом временном интервале, например после 1993 г., когда подъем преступности сменился кратковременным спадом, то он получил бы уже иные результаты, а если бы исследуемый период лежал между 2006 и 2012 гг., – выводы об эффективности преступности были бы противоположными тем, которые обосновываются в работе. Сходные данные о неэффективности общепредупредительного воздействия угрозы уголовным наказанием за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью получил С. В. Максимов, сравнивавший показатели преступности и ее факторы по состоянию на 1985 и 1990 г. Этот автор также не учитывал долгосрочные колебания преступности [34].

Недостатки подхода В. А. Никонова видятся в следующем:

- применение линейного регрессионного анализа допустимо только при таких условиях, когда зависимая переменная (уровень преступности – у В. А. Никонова) прямо пропорциональна независимой переменной, предиктору (в качестве которого выступает удельный вес отдельного вида наказания). Однако сложное поведение преступности отвергает гипотезу о наличии такой зависимости между анализируемыми рядами данных. Нелинейный характер отношения между наказанием и преступностью означает сильное влияние иных факторов. И здесь мы сталкиваемся с очередной проблемой – эти факторы должны быть сначала обнаружены и удовлетворительно объяснены;

- автор оперирует данными на интервале в пять лет, полагая, что в условиях социально-экономической и правовой нестабильности выбор пятилетнего периода выступает «как обоснованный вариант» [42, с. 22];

- одним из критериев отбора преступлений, по которым исследовалась эффективность применяемых наказаний, В. А. Никонов избрал низкий уровень латентности [42, с. 19]. Такое требование было предопределено характером вычислений, проводимых для оценки эффективности наказания. Высокая степень латентности не позволяет провести корректные вычисления, положенные в основу методики В. А. Никонова. Вместе с тем такой строгий отбор преступлений для анализа снижает общую ценность исследования, ограничивая его

Model of Evaluating the Effectiveness of Punishment

In considerations concerning judicial practice, some issues of analyzing the effectiveness of punishment were raised, for which reason some explanations should be given with regard to the proposed model of its assessment.

We knowingly abandoned the use of the term “methodology”, which implies a well-defined set of research methods and sequence of their application. Instead, a less stringent term “model” is proposed, which is not about mathematical modeling but about basic assessment methods suitable for analyzing penalties for most crimes, as well as for particular ones, taking into account their peculiarities.

For a complete mathematical solution of this problem, currently there is a lack of theoretically meaningful knowledge about the causes and conditions of crime. This statement may seem paradoxical: the phenomenon of crime, its causes and conditions have been the subject of close study by criminologists for a long time. General ideas about the determinants of crime and its mechanism are set out in theory in sufficient detail. However, so far there have been no successful attempts to implement mathematical models of crime, and the method of its mathematical modeling has been untapped by many criminologists so far.

Examples of “blunders” of mathematical models are given in the work by V. A. Nikonov [42], which studied the effect of criminal punishment on crime by analyzing the correlation coefficients between series of data on the level of particular types of crimes and the proportion of certain types of punishments applied to those convicted of such crimes in the total mass of punishments for these acts for the period from 1988 to 1992. Based on the data obtained, the author calculated coefficients for the regression equation expressing a linear relationship between the intensity of the application of punishments and the level of crime. Currently, the results of this study turn out to be untapped. The reason is that in his work the scientist relied on information obtained for the period of rapid growth of crime. However, if the author conducted a study for a different

time interval, for example, after 1993, when the rise in crime was replaced by a short-term recession, he would have obtained different results, and if the study period lay between 2006 and 2012, the conclusions about the effectiveness of crime would be opposite to those justified in the work. Similar data on the ineffectiveness of the general preventive impact of the threat of criminal punishment for murder and deliberate infliction of grievous bodily harm were received by S. V. Maksimov, who compared rates and factors of crime as of 1985 and 1990. This author also did not take into account long-term fluctuations of crime [34].

The disadvantages of the approach proposed by V. A. Nikonov are seen in the following:

- the use of linear regression analysis is permissible only under the conditions when the dependent variable (in V. A. Nikonov’s research – crime rate) is directly proportional to the independent variable, the predictor (which is the proportion of a particular type of punishment). However, the complex behavior of crime rejects the hypothesis about the presence of such a relationship between the analyzed data series. The non-linear nature of the relationship between punishment and crime means a strong influence of other factors. And here we are faced with another problem – these factors must first be discovered and satisfactorily explained;

- the author manipulates data for the interval of five years, believing that in the conditions of socio-economic and legal instability, the choice of the five-year period is “as a reasonable option” [42, p. 22];

- V. A. Nikonov chose a low level of latency as one of the criteria for the selection of crimes to assess the effectiveness of the punishments imposed [42, p. 19]. Such a requirement was predetermined by the nature of the calculations carried out to assess the effectiveness. The high degree of latency does not allow for performing correct calculations being the basis of V. A. Nikonov’s method. At the same time, such a rigorous selection of crimes for analysis reduces the overall value of the study, limiting its

применение к ряду высоколатентных преступлений, к которым традиционно относятся налоговые преступления, посягательства в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и ряд других. Следует отметить, что ограничения, связанные с высоким уровнем латентности отдельных видов преступлений, пытался преодолеть С. М. Иншаков, по мнению которого эффективность наказания следует оценивать по фактической динамике преступности [19, с. 33]. Он объясняет колебания преступности (на момент написания работы имелась информация только о резком снижении преступности в 2002 г.) введением в действие нового УПК РФ, что создало трудности в доказывании факта совершения преступления определенным лицом [19, с. 33]. Рост преступности с пиком в 2006 г., по такой логике, отражает успешное освоение правоохранительными органами положений уголовно-процессуального законодательства. К сожалению, дальнейшие изменения преступности, в частности ее быстрое снижение после 2006 г., таким способом не объясняются. Однако попытка свести колебания преступности лишь к влиянию нового УПК РФ приводит автора к ошибкам в оценке фактической динамики отдельных преступлений. В ходе проведенного нами анализа не нашел подтверждения обосновываемый этим автором вывод о высокой латентности убийств [5], а в случае с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ оценка уровня латентности была существенно занижена [6]. Таким образом, выводы об эффективности наказаний, основанные только на оценочных значениях фактической динамики преступности, также могут привести к получению некорректных результатов.

Полагаем, что позиция С. М. Иншакова о нерепрезентативности сведений о зарегистрированных преступлениях и необходимости оценки эффективности наказаний лишь по фактической динамике преступности нуждается в корректировке. Если у нас отсутствуют достоверные свидетельства о высокой латентности конкретного вида преступлений, то вполне оправдано использование данных официальной уголовной статистики. Однако оно приемлемо и в таких случаях, когда у нас есть веские основания полагать, что уровень латентности ис-

следуемого преступления на избранном временном интервале существенно не изменялся. В подобном случае кривая динамики зарегистрированной преступности верно отражает тенденции фактической преступности и, следовательно, может быть использована для проведения анализа.

Если же имеются предположения о том, что уровень латентности настолько высок, что мы можем весьма приблизительно судить лишь о порядке этой величины, то задача существенно усложняется. В таких ситуациях, во-первых, необходимо доказывать, что уровень латентности исключает возможность получить представление о фактической динамике данного вида преступлений. Во-вторых, необходимо проводить поиск эмпирических данных, свидетельствующих о наличии или отсутствии предупредительного воздействия уголовного наказания за пределами уголовной статистики. В данном случае мы исходим из предположения, что уголовное наказание выполняет вместе с охранительной и регулятивную функцию, оказывая влияние на поведение граждан. Этому есть убедительные примеры. Так, в ноябре 2013 г. Президент России В. В. Путин в одном из своих выступлений подверг критике порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям только на основании информации органов налогового контроля. Либерализация законодательства, которая, как предполагалось, должна была способствовать увеличению собираемости налогов, привела к обратному результату [52]. Резкое сокращение числа уголовных дел по налоговым преступлениям в 2013 г. повлекло за собой возрастание недоимок по налогам и сборам. Таким образом, предупредительный эффект уголовных наказаний за налоговые преступления может проявляться в динамике сбора налогов.

В другом случае возбуждение уголовного дела в отношении врачей, которые, по версии обвинения, готовились к убийству с целью трансплантации органов человека, привело к приостановке множества подобных операций по всей стране [66]. Таким образом, влияние уголовно-правового запрета вполне может быть обнаружено путем анализа информации о различных социальных процессах.

С учетом изложенного можно сформулировать причины, по которым математическое

application to a number of high-latent crimes, which traditionally include tax crimes, encroachments in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, and a number of others. As for the restrictions associated with a high level of latency of certain types of crimes, it was S. M. Inshakov who tried to overcome those. According to this author, the effectiveness of punishment should be evaluated by the actual dynamics of crime [19, p. 33]. He explains the fluctuations of crime (at the time of his writing the paper, there was information only about a sharp decrease in crime in 2002) with the introduction of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which created difficulties in proving the fact of a crime being committed by a certain person [19, p. 33]. According to this logic, the growth of crime with a peak in 2006 reflects the successful application of the provisions of criminal procedure legislation by law enforcement agencies. However, further changes in crime, in particular, its rapid decline after 2006, are not explained in this way. However, an attempt to reduce the fluctuations of crime only to the influence of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation leads the author to errors in the assessment of the actual dynamics of particular crimes. Our own analysis did not provide any corroboration for Inshakov's conclusion about high latency of murders [5], and in the case of crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, the latency level was significantly underestimated [6]. Thus, conclusions about the effectiveness of punishments that are made based only on estimated values of the actual dynamics of crime can also lead to incorrect results.

We believe that S. M. Inshakov's position on the non-representativeness of information about registered crimes and the need to evaluate the effectiveness of punishments only based on the actual dynamics of crime requires adjustment. If we have no reliable evidence of the high latency of a particular type of crime, then the use of official criminal statistics is fully justified.

However, it is also acceptable in the cases when we have good reason to believe that the level of latency of the investigated crime did not change significantly in the selected interval. In such a case, the dynamics of the crime recorded correctly reflects the trends of actual crime and, therefore, can be used for analysis.

However, if there are assumptions that the latency level is so high that we can rather approximately estimate only the order of this magnitude, then the task is significantly complicated. In such situations, firstly, it is necessary to prove that the level of latency excludes the possibility of obtaining an idea of the actual dynamics of this type of crime. Secondly, it is necessary to search for empirical data indicating the presence or absence of the preventive effect of criminal punishment beyond the bounds of criminal statistics. In this case, we proceed from the assumption that criminal punishment performs not only a protective but also a regulatory function, thus influencing the behavior of citizens. There are some compelling examples. For instance, in November 2013, in one of his speeches, President of Russia V. Putin criticized the procedure for initiating criminal cases on tax crimes only based on information of tax control authorities. Liberalization of legislation, which was supposed to contribute to an increase in tax collection, led to the opposite result [52]. A sharp reduction in the number of criminal cases involving tax crimes in 2013 led to an increase in tax and charge arrears. Thus, the preventive effect of criminal penalties for tax crimes can manifest itself in the dynamics of tax collection.

In another case, initiation of criminal proceedings against doctors who, according to the prosecution, were preparing to kill for the purpose of transplanting human organs, led to the suspension of many similar operations throughout the country [66]. Thus, the effect of a criminal law prohibition may well be detected by analyzing information about various social processes.

Taking into account the above, it is possible to formulate the reasons why mathematical

моделирование, на наш взгляд, не получило широкого распространения в криминологических исследованиях:

– в периоды равномерного развития общества математические модели демонстрируют высокие прогностические возможности. Однако именно в это время востребованность математических методов в криминологии оказывается незначительной, поскольку они лишь констатируют то, что очевидно без дополнительных математических расчетов;

– для высоколатентных преступлений единые модели построить проблематично не только из-за отсутствия достоверных данных, но и ввиду того, что социальные эффекты от предусмотренных наказаний могут быть самыми разнообразными;

– в периоды нестабильности результаты прогнозирования преступности наиболее востребованы государством. Однако именно тогда математические модели дают сбой и, как следствие, опять оказываются невостребованными.

Исходя из указанных соображений модель оценки эффективности уголовных наказаний, как представляется, может включать в себя следующие этапы:

1. Общий этап для оценки эффективности наказаний, применяемых за все преступления, состоит в определении факторов, наиболее сильно влияющих на характер преступности в настоящее время, в особенности на ее периодические колебания. Цель состоит в том, чтобы понять значение наказания в ряду других причин, определяющих конъюнктуру преступности. Уже на этом этапе можно определить эффективность уголовных наказаний, назначаемых за преступления с низким уровнем латентности.

2. В тех случаях, когда есть сомнения в репрезентативности официальной уголовной статистики по конкретному виду преступлений, необходимо проводить оценку уровня его латентности. Если он велик и многократно превышает зарегистрированные показатели, то оценка эффективности проводится по косвенным показателям, характеризующим воздействие уголовного наказания на социальные процессы.

3. Если установлено, что зарегистрированные показатели в целом отражают фактическое состояние конкретного вида преступлений либо

уровень латентности стабилен и не влияет на оценку динамики преступности, то, с учетом полученных на первом этапе данных о поведении преступности, обосновывается вывод об эффективности или неэффективности общепредупредительного воздействия уголовных наказаний, применяемых за данное преступление. Учет глобальных тенденций преступности позволяет избежать ошибочных выводов, связанных с использованием коротких временных интервалов.

4. Проводится анализ судебной практики назначения наказания, определяются наиболее распространенные наказания за данный вид преступлений, их характерные сроки и размеры, определяется динамика рецидива и обосновывается вывод об эффективности специального предупреждения.

5. В тех случаях, когда наказания, предусмотренные за конкретный вид преступлений, признаются эффективными, разрабатываются предложения по их оптимизации. Сюда следует отнести снижение сроков или размеров наказаний, изменение структуры назначаемых наказаний и т. п.

6. Если наказания неэффективны, то определяются причины, по которым они не оказывают предупредительного воздействия, предлагаются меры по совершенствованию наказаний или иные меры общего или специального предупреждения соответствующих преступлений.

В указанном перечне не говорится об оценке эффективности наказаний, применяемых за конкретные преступления. По этому поводу следует дать некоторые пояснения.

В. А. Никонов при анализе эффективности уголовных наказаний, применяемых за конкретные преступления, вычислял удельный вес конкретного наказания в массе мер уголовно-правового характера, применяемых за это преступление за исследуемый период, и сопоставлял его с уровнем конкретного вида преступлений за это же время. Таким образом, его вычисления теоретически позволяют оценить эффективность каждого из наказаний, применяемых за конкретное преступление. Кроме того, этот автор предпринял попытку оценить эффективность отдельных видов наказаний на всем массиве преступлений за изучаемый период времени.

Эта методика обладает рядом недостатков.

modeling, in our opinion, is not widely used in criminological research:

– during the periods of uniform development of society, mathematical models demonstrate high prognostic capabilities. However, at such periods the demand for mathematical methods in criminology turns out to be insignificant, since they only state what is obvious without additional mathematical tricks;

– for high latent crimes, it is problematic to build uniform models not only because of the lack of reliable data, but also because social effects of the punishments provided can be very diverse;

– in periods of instability, the results of crime forecasting are most in demand by the state. However, in such periods mathematical models fail to provide valid results and, therefore, again turn out to be untapped.

Based on these considerations, the model for assessing the effectiveness of criminal penalties might include the following stages:

1. The general stage for assessing the effectiveness of punishments used for all crimes consists in determining the factors that most strongly influence the behavior of crime at the present time, in particular, its periodic fluctuations. The goal is to understand the significance of the punishment among a number of other factors determining the state of crime. At this stage, it is possible to determine the effectiveness of criminal penalties imposed for crimes with a low level of latency.

2. In cases when there are doubts about the representativeness of official criminal statistics on a specific type of crime, it is necessary to assess its level of latency. If it is large and exceeds the registered indicators many times, then the effectiveness evaluation is performed with the use of indirect indicators characterizing the impact of criminal punishment on social processes.

3. If it is established that the registered indicators generally reflect the actual state of a particular type of crime, or the level of latency is stable and does not affect the assessment of the

dynamics of crime, then, taking into account the data on crime behavior obtained at the first stage, the conclusion about the effectiveness or ineffectiveness of the general preventive impact of criminal penalties imposed for this crime is justified. The record of global crime trends makes it possible to avoid erroneous conclusions related to the use of short time intervals.

4. An analysis of the judicial practice of sentencing is performed, the most common penalties for this type of crime are identified, their characteristic terms and amounts, the dynamics of relapse are determined and the conclusion about the effectiveness of a special prevention is substantiated.

5. In cases when the penalties provided for a specific type of crime are recognized as effective, proposals are developed for their optimization. These should include a reduction of the length or amount of penalties, a change in the structure of the punishments imposed, etc.

6. If the punishments are ineffective, then the reasons why they do not have a preventive effect are determined, measures are proposed to improve the punishments or other measures of general or special prevention of the corresponding crimes.

The list does not mention assessment of the effectiveness of punishments applied for specific crimes. Some explanation should be given on this.

V. A. Nikonov, when analyzing the effectiveness of criminal punishments used for specific crimes, calculated the proportion of a particular punishment in the mass of criminal law measures applied for this crime during the period under study and compared it with the level of a specific type of crime for same time. Thus, his calculations theoretically allow us to evaluate the effectiveness of each of the penalties applied for a particular crime. In addition, this author attempted to assess the effectiveness of certain types of punishment in the entire array of crimes for the studied period.

This technique has several disadvantages.

В частности, избранный подход предполагает, что наказания обладают предупредительным воздействием независимо друг от друга. Иными словами, граждане, намеревающиеся совершить преступление, одинаково опасаются и лишения свободы, и исправительных работ, и штрафа, а равно других наказаний, предусмотренных за готовящееся ими преступление. Представляется, что ситуация несколько иная: если лицо и учитывает вероятность наказания, то, скорее всего, оно будет ориентироваться на более строгое наказание из числа ему угрожающих. Такой подход видится естественным для человека и даже отражен в пословицах («надейся на лучшее, готовься к худшему», «хочешь мира – готовься к войне»). В ходе проведенного нами анкетирования осужденных из 939 человек на вопрос: «испытывали ли Вы страх перед возможным наказанием при подготовке и совершении преступления?» всего лишь 58 человек (6,2 %) заявили, что они рассчитывали на более мягкое наказание. По результатам анкетирования студентов высших учебных заведений и техникумов 77 % опрошенных в качестве самых эффективных наказаний назвали смертную казнь и лишение свободы.

Исключительное место, которое занимает мера лишения свободы в представлениях о наказании, свидетельствует о том, что если эта мера предусмотрена санкцией соответствующей статьи, то не так важно, какие еще альтернативные наказания предусмотрены законодателем за это преступление. Угроза лишением свободы при этом является важным элементом как общего предупреждения, так и специального, поскольку в тех случаях, когда субъекту за первое преступление назначено более мягкое наказание, вероятность получить меру в виде лишения свободы за повторное посягательство резко возрастает.

Таким образом, есть веские основания полагать, что для того чтобы наказания, предусмотренные за совершение отдельных преступлений, были эффективными, санкция соответствующей статьи обязательно должна предусматривать лишение свободы. И практика идет по этому пути – подавляющее большинство статей предусматривают это наказание. Влияние других видов наказаний на преступность, судя по всему, значительно слабее. Поэтому

говорить об эффективности каких-то других наказаний, предусмотренных за отдельные преступления, можно лишь в том смысле, что уровень их применения не настолько высок, чтобы в общественном сознании сформировалось представление о безнаказанности. Так, одна из причин низкой эффективности уголовных наказаний за получение взятки состоит в том, что наказание в виде лишения свободы назначается слишком редко.

Исключительная роль меры лишения свободы в номенклатуре всех наказаний, предусмотренных санкциями отдельных статей УК РФ, приводит нас к важному выводу: в тех случаях, когда наказания за отдельные преступления признаются эффективными, необходимо оптимизировать их. По нашему мнению, сущность оптимизации состоит в том, чтобы постепенно снижать удельный вес лишения свободы в массе наказаний, предусмотренных за соответствующее посягательство. До какого уровня возможно это снижение – вопрос открытый, и ответ на него может дать только практика.

Следующее замечание к избранной В. А. Никоновым методике состоит в том, что удельный вес отдельного вида наказаний в массе всех применяемых мер не является в контексте проводимых вычислений независимой величиной. Ее значение зависит от удельного веса других наказаний так, что уменьшение удельного веса одного наказания автоматически увеличивает долю других мер, что в результате для одного наказания будет интерпретировано как неэффективность, а для другого – наоборот. Полагаем, что подход, примененный В. А. Никоновым, мог бы сработать при проведении эксперимента в нескольких регионах страны, в ходе которого в одном из них за совершенные преступления суды применяли бы одни наказания, а в другом месте – другие. Однако проведение такого опыта маловероятно. Сказанное можно отнести и к методике, предложенной С. М. Иншаковым. Он оценивал эффективность отдельных уголовных наказаний путем анкетирования осужденных. При этом задавались такие вопросы: «Предприняли бы ли Вы попытку совершить преступление в расчете на безнаказанность, если бы знали, что за планируемое преступление закон предусматривает штраф?» [19, с. 44]. Такая постановка вопроса нам представляется не вполне коррект-

in the sense that the level of their use is not so high that the idea of impunity has formed in the public consciousness. Thus, one of the reasons for the low effectiveness of criminal penalties for accepting a bribe is that the penalty of deprivation of liberty is imposed too rarely.

The exclusive role of deprivation of liberty in the nomenclature of all punishments provided for by the sanctions of certain articles of the Criminal Code of the Russian Federation leads us to an important conclusion: in cases where punishments for certain crimes are considered effective, it is necessary to optimize them. In our opinion, the essence of optimization is to gradually reduce the proportion of imprisonment in the total mass of punishments provided for the corresponding encroachment. It is an open question to what level this reduction is possible, and only practice can answer it.

Another disadvantage of the method chosen by V. A. Nikonov is that the proportion of a particular type of punishment in the mass of all measures used is not an independent variable in the context of the calculations. Its value depends on the proportion of other punishments, so that a decrease in the proportion of one punishment automatically increases the proportion of other measures, which as a result will be interpreted as ineffectiveness for one punishment, and vice versa for another. We believe that the approach taken by V. A. Nikonov could have worked during an experiment in several regions of the country, in course of which in one of regions the courts would apply some certain types of punishment for the crimes committed while in another place – some others. However, such an experiment is unlikely to be performed. The above is also true about the method proposed by S. M. Inshakov. He evaluated the effectiveness of individual criminal penalties by questioning convicts. They were asked such questions as: “Would you attempt to commit a crime with an idea of impunity, if you knew that the law provides for a fine for the planned crime?” [19, p. 44]. Such a formulation of the question seems to be not quite correct,

In particular, the chosen approach assumes that punishments have a preventive effect independently of each other. In other words, citizens who intend to commit a crime are equally apprehensive of imprisonment, correctional labor, and fines, as well as other punishments provided for the crime they are preparing. However, it seems that the situation is somewhat different: if a person takes into account the likelihood of punishment, then, most likely, he will be guided by a more severe punishment from among the possible ones. Such an approach is natural for a person and is reflected even in proverbs: “hope for the best, prepare for the worst”, “if you want peace, prepare for war”. In course of our survey of convicts, when questioned “Did you have fear of possible punishment while preparing and committing the crime?” only 58 people out of 939 (6.2 %) said they expected a milder punishment. According to the results of a survey of students at higher educational institutions and technical schools, 77 % of those surveyed stated death penalty and imprisonment as the most effective punishments.

The exceptional place that imprisonment takes in the ideas of punishment indicates that if this measure is provided for by the sanction of the relevant article, then it is not so important what other alternative punishments are provided for by the legislator for this crime. The threat of deprivation of liberty is an important element of both general and special prevention, since in cases where a subject got a lighter punishment for the first crime, the probability of being imprisoned for repeated infringement increases dramatically.

Thus, there are compelling reasons to believe that for penalties provided for the commission of certain crimes to be effective, the sanction of the relevant article must necessarily provide for imprisonment. And practice goes this way – a vast majority of articles provide for this punishment. Apparently, the impact of other types of punishment on crime is much weaker. Therefore, one can speak about the effectiveness of some other punishments provided for individual crimes only

ной, поскольку она оторвана от жизни. В реальном, а не гипотетическом законодательстве санкции всегда альтернативны. Поэтому вопрос является умозрительным, предлагающим некую гипотетическую ситуацию. Соответственно нужно оценивать и ответы.

Представляется неверной и попытка оценки эффективности отдельных видов уголовных наказаний путем сопоставления их удельного веса в массе назначаемых наказаний за изучаемый период с динамикой преступности за это же время. Полученный результат В. А. Никонov рассматривает как эффективность конкретного вида наказаний. Однако такая интерпретация представляется сомнительной, как если бы врачи, например, определяли эффективность лечения, измеряя среднюю температуру больных, не учитывая специфику отдельных заболеваний. Уголовное наказание, подобно методам лечения в медицине, не может обладать одинаковой эффективностью для всех преступлений. Для отдельных посягательств оно действительно обладает выраженным предупредительным эффектом, но для других – нет. Усреднение же результатов, очевидно, бессмысленно. Как можно интерпретировать вывод «об отсутствии общепредупредительного воздействия лишения свободы на преступность в целом и о его эффективности только в отношении отдельных преступлений»? [42, с. 28] Нужно ли отказываться от этого вида наказаний вообще? Или нужно изучать его эффективность не только на отдельных видах преступлений, а по каждому из их огромного числа, предусмотренного действующим УК РФ? А может быть, нужно увеличить удельный вес этого наказания в массиве всех уголовно-правовых мер, применяемых за отдельные преступления?

При избранном автором способе вычисления наказание будет эффективным лишь в том случае, если его удельный вес будет изменяться таким же образом, как и динамика всей преступности. О недостатках такого подхода было сказано выше.

По тем же соображениям неинформативной представляется оценка эффективности системы наказаний в целом. Строго говоря, система наказаний не может быть эффективной или неэффективной, поскольку она как таковая не применяется. Назначаются лишь отдельные виды наказаний. Кроме того, предусмотренные

в УК РФ наказания применяются крайне неравномерно – лишение свободы на определенный срок, штраф, исправительные работы, ограничение свободы назначаются подавляющему числу осужденных, в то время как доля остальных видов наказаний колеблется на уровне статистической погрешности и не оказывает фактического влияния на предупреждение преступлений. Поэтому в попытках оценить эффективность всей системы наказаний мы неминуемо будем переносить предупредительный эффект наиболее распространенных видов наказаний на другие, которые применяются существенно реже, опять получая упомянутую «среднюю температуру». Полагаем, что правильная формулировка вопроса, предлагаемого исследователям, может в данном случае звучать так: «Способно ли уголовное наказание в существующем виде предупреждать преступность?»

Учитывая вышеизложенное, единственным перспективным способом изучения предупредительного воздействия уголовного наказания является анализ предупредительного воздействия всех применяемых наказаний за конкретное преступление как единого целого. А методически правильный ответ может звучать таким образом: «Наказания, применяемые за отдельный вид преступлений, являются эффективными (неэффективными)».

Следует признать, что законодатель очень высоко оценивает способность уголовных наказаний не только предотвращать преступления, но и выполнять регулятивную функцию. И, как нам кажется, эта высокая оценка привела к негативным последствиям, связанным с неоправданным расширением сферы уголовной репрессии.

Критерии оценки эффективности наказания

Ранее было показано, из всех целей уголовного наказания лишь для предупреждения преступлений можно предложить критерии, позволяющие на основе объективных эмпирических данных оценить эффективность ее достижения. М. Д. Шаргородский рассматривал в этом качестве динамику рецидива преступлений, характеризующую эффективность индивидуального предупреждения преступлений, и динамику преступности, отражающую эффективность общей превенции [69, с. 61].

since it is divorced from life. In real, not hypothetical, legislation sanctions are always alternative. Therefore, the question is speculative, suggesting some hypothetical situation. The responses should be evaluated accordingly.

An attempt to assess the effectiveness of certain types of criminal punishments by comparing their proportion in the mass of punishments imposed for the studied period with the dynamics of crime during the same time seems to be incorrect. V. A. Nikonov considers the result obtained to be the effectiveness of a particular type of punishment. However, such an interpretation seems doubtful, as if doctors, for example, determined the effectiveness of treatment by measuring the average temperature of patients, not taking into account the specifics of individual diseases. Criminal punishment, like medical treatments, cannot be equally effective for all crimes. For individual offenses, it does have a pronounced preventive effect, but for others – not. Averaging the results is obviously meaningless. How can one interpret the conclusion “about the absence of an overall preventive effect of deprivation of liberty on crime in general and its effectiveness only in relation to individual crimes”? [42, p. 28] Is it necessary to abandon this type of punishment at all? Or do we need to study its effectiveness not only based on certain types of crimes, but for each one from the enormous number of those, as provided for by the current Criminal Code of the Russian Federation? Or maybe it is necessary to increase the proportion of this punishment in the array of all criminal law measures applied for individual crimes?

With the calculation method chosen by the author, punishment will only be effective if its proportion changes in the same way as the dynamics of all crime. The disadvantages of this approach were mentioned above.

For the same reasons, evaluation of the effectiveness of the system of punishments as a whole seems non-informative. Strictly speaking, the punishment system cannot be effective or ineffective, since it does not apply as such. Only certain types of punishment are imposed. In addition, the

penalties provided for in the Criminal Code of the Russian Federation are applied extremely irregularly – imprisonment for a certain term, fine, correctional work, restriction of freedom are imposed on the overwhelming number of convicts, while the share of other types of punishment fluctuates at the level of statistical error and does not actually affect the prevention of crimes. Therefore, in attempts to assess the effectiveness of the entire system of punishments, we will inevitably transfer the preventive effect of the most common types of punishments to others, which are applied much less frequently, thus again receiving the aforementioned “average temperature”. We believe that the correct wording of the question proposed by the researchers, in this case, may sound like this: “Is the criminal punishment in its present form capable of preventing crime?”.

Taking into account the above, the only promising way to study the preventive effects of criminal punishment is to analyze the preventive effects of all penalties applicable for a particular crime as a whole. A methodically correct answer may sound like this: “The punishments applied for a particular type of crime are effective (ineffective).”

It should be recognized that the legislator highly appreciates the ability of criminal sanctions not only to prevent crimes but also to perform a regulatory function. And, as it seems to us, this high assessment has led to negative consequences associated with the unjustified expansion of the scope of criminal repression.

Criteria for Evaluating the Effectiveness of Punishment

It was shown above that of all the goals of criminal punishment, only for the prevention of crimes it is possible to propose criteria that would allow for evaluating the effectiveness of achieving it on the basis of objective empirical data. In this regard, M. D. Shargorodsky considered the dynamics of the relapse of crimes, characterizing the effectiveness of individual crime prevention, and the dynamics of crime, reflecting the effectiveness of general prevention [69, p. 61].

Полагаем, что эти критерии могут быть приняты в качестве базовых при оценке эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания с некоторыми уточнениями.

Поскольку изучение эффективности уголовного наказания необходимо проводить применительно к отдельным видам преступлений, базовыми критериями эффективности в данном случае будут выступать динамика отдельного вида преступления и динамика уровня рецидива по данному виду преступлений.

Вместе с тем возникают проблемы интерпретации этих показателей, так как они формируются под воздействием не только уголовных наказаний, но и множества других факторов. Ниже приведены некоторые из них:

1. Повторное совершение преступлений не обязательно связано с наличием устойчивой антисоциальной направленности личности. Оно может являться результатом случайного стечения обстоятельств, возникновения принципиально других мотивов, чем те, по которым преступления совершались ранее. Лица, отбывшие длительные сроки лишения свободы, не адаптированы к условиям самостоятельной жизни, утрачивают многие социальные навыки, пытаются вести себя после освобождения по шаблону, характерным для мест лишения свободы, что провоцирует конфликты с окружающими. В процессе анкетирования осужденных нами было обращено внимание на то, что совершение насильственных преступлений лицами, ранее отбывавшими наказание, часто объясняется ими как реакция на оскорбление. У лиц, совершивших преступление впервые, такой мотив прослеживается значительно реже.

2. Значительную роль играет криминогенность мест лишения свободы, продуцирующая рецидив преступлений. Мы зачастую не можем сказать, является ли он следствием неэффективности уголовного наказания, или условия, в которых отбывалось наказание, вызвали деформации в системе ценностей осужденного, сформировали его связи с авторитетами преступного мира, стали почвой для усвоения тюремных традиций и нравов, что в совокупности привело к повторным преступлениям. Криминогенность (способность порождать преступность) мест лишения свободы давно стала объектом научного изучения. Более ста лет назад фабрикой преступности назвал тюрьму

М. Н. Гернет [9, с. 44]. Спустя век эта проблема остается нерешенной [11, с. 156].

Полагаем, что существенный вклад в формирование массива рецидивных преступлений обусловлен несовершенным порядком подготовки осужденных к освобождению. Как отмечается в специальных исследованиях, значительная часть освобождающихся из исправительных учреждений утратили семейные и родственные связи, навыки общения, не располагают средствами к существованию, утратили востребованные рынком профессионально-квалификационные качества [29, с. 5]. Именно этим, на наш взгляд, объясняется интенсивное повторение преступлений сразу же после освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы. Подробнее это положение будет раскрыто ниже.

3. По ряду преступлений рецидив (и в большей степени это относится к специальному рецидиву) как массовое явление не существует. Наиболее характерным примером являются должностные преступления. Как видно из специальных исследований, лица, совершающие такие преступления, например получившие взятку, в большинстве своем характеризуются положительно [10]. После освобождения от отбывания наказания они, как правило, не могут занимать должности, связанные с возможностью получения взяток, что исключает специальный рецидив с их стороны. Аналогичным образом исключается специальный рецидив при назначении дополнительного наказания, связанного с запретом заниматься определенной деятельностью, если состав соответствующего преступления предусматривает ответственность специального субъекта. Однако отсутствие рецидива в подобных случаях ничего не говорит нам об эффективности индивидуального предупреждения. Новые преступления не совершаются в силу физической невозможности это сделать, а не потому, что наказание оказалось эффективным.

4. При выборе в качестве критерия оценки эффективности частного предупреждения динамики рецидива из поля зрения исследователей выпадает масса неосторожных преступлений, при повторении которых данный вид множественности преступлений не образуется, различных комбинаций умышленных и неосторожных преступлений, также не образующих

We believe that these criteria can be taken as basic in assessing the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment with some clarifications.

Since the study of the effectiveness of criminal punishment should be conducted in relation to individual types of crimes, the basic criteria for effectiveness in this case will be the dynamics of a particular type of crime and the dynamics of the level of recidivism for this type of crime.

However, there arise problems concerning interpretation of these indicators, since they are formed under the influence of not only criminal penalties but also many other factors. Below are some of them:

1. Recommission of crimes is not necessarily associated with the presence of a stable anti-social orientation of the individual. It may be the result of coincidence, emergence of new motives, fundamentally different from those behind the crimes committed earlier. Persons who have served long prison terms are not adapted to the conditions of independent living, lose many social skills, after being released they try to behave following the patterns inherent in places of detention, which provokes conflicts with others. In course of questioning convicts, we paid attention to the fact that commission of violent crimes by persons who had previously served their sentence was often explained by them as a reaction to an insult. For those who committed a crime for the first time, such a motive can be traced much less frequently.

2. A significant role is played by the criminality of freedom deprivation places, producing a relapse of crimes. We often cannot say whether it is a consequence of the ineffectiveness of criminal punishment or the conditions under which the punishment was served caused deformations in the convict's personal values formed his ties with the authorities of the criminal underworld, which in the aggregate led to repeated crimes. Criminality (the ability to generate crime) of freedom deprivation places has long been the subject matter of scientific study. More than a hundred years ago, M. N. Gernet called prison the factory of

crime [9, p. 44]. After a century, this problem remains unsolved [11, p. 156].

We believe that the imperfect procedure for preparing convicts for release makes a significant contribution to the formation of an array of recidivistic crimes. As noted in special studies, a significant part of those released from correctional institutions have lost family and family ties, communication skills, do not have means of subsistence, have lost professional qualifications demanded by the market [29, p. 5]. In our opinion, this explains the intensive repetition of crimes among ex-prisoners immediately after being released from serving a sentence of imprisonment. This idea will be presented in more detail below.

3. For a number of crimes, relapse (and this mainly refers to a special relapse) does not exist as a mass phenomenon. The most typical example of this is misconduct. As can be seen from special studies, most perpetrators of such crimes, e.g. those who received a bribe, are positively characterized [10]. After being released from serving a sentence, they, as a rule, cannot occupy positions associated with taking bribes, which rules out a special relapse on their part. Similarly, the possibility of special recidivism is excluded when there is imposed additional penalty related to the prohibition of engaging in a certain activity, if the corpus delicti of the corresponding crime provides for the responsibility of a special subject. However, the absence of a relapse in such cases does not tell us anything about the effectiveness of individual prevention. New crimes are not committed due to the physical impossibility of doing this, and not because the punishment was effective.

4. When choosing the relapse dynamics as a criterion for evaluating the effectiveness of private prevention, researchers do not take into account the mass of reckless crimes, the repetition of which does not result in this type of multiplicity of crimes, various combinations of intentional and reckless crimes that also do not form recidivism,

рецидива, умышленных преступлений, судимости за которые, в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, не учитываются при рецидиве преступлений, умышленных преступлений, совершаемых до достижения лицом возраста 18 лет или в престарелом возрасте, когда совершение новых преступлений затруднительно в силу состояния здоровья.

5. Значительные погрешности при оценке динамики рецидива вызваны:

– высоким уровнем латентности отдельных видов преступлений;

– пристальным вниманием правоохранительных органов к ранее судимым лицам, когда при прочих равных обстоятельствах совершаемые ими повторно преступления чаще становятся известны, в то время как аналогичные деяния, совершенные лицами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных органов, могут оставаться не раскрытыми. Данные о рецидивистах, их связях, круге общения, их фотографии, отпечатки пальцев, особые приметы и иная информация зафиксированы в различных учетах, такие лица в первую очередь проверяются на причастность к совершаемым преступлениям, поэтому вероятность их задержания за совершенное повторно преступление может быть выше, чем для лиц, данными о преступной деятельности которых правоохранительные органы не располагают. Таким образом, высокий удельный вес лиц, совершивших преступления при рецидиве, может быть связан с более высоким уровнем латентности преступлений, совершенных лицами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных органов.

6. В криминологии принято разграничивать причины конкретного преступления и причины преступности в целом. То же самое можно сказать и о причинах рецидива со стороны отдельного лица и причинах рецидивной преступности как массового явления. В последнем случае на динамику рецидивной преступности будут влиять обстоятельства, не связанные прямо с исполнением наказания, такие, как качество проведения мероприятий по социальной реабилитации осужденных, общая экономическая ситуация в стране, готовность работодателей принимать на работу судимых лиц, разрыв социальных связей у лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы, а также иные причины и условия, характерные для преступности в целом.

Динамика преступности, которую М. Д. Шаргородский предлагал использовать в качестве критерия эффективности общего предупреждения, также определяется множеством факторов. Об этом свидетельствует, прежде всего, то, что изменения этого показателя происходят в условиях стабильной сложившейся судебной практики назначения уголовных наказаний. В. С. Васильев проанализировал статистические данные о преступности во Владимирской области с 1946 по 1994 г. и показал, что крупные социальные потрясения вызывают сильные всплески преступности. Как мы показали выше, кривая преступности аппроксимируется синусоидальной кривой, повторяющей затухающие движения маятника, выведенного из равновесия сильным внешним воздействием и в течение определенного времени возвращающегося в спокойное состояние [7, с. 65–66]. При этом разнонаправленные затухающие колебания кривой преступности определяются не строгостью наказаний, которые в этот период не меняются, а внешними обстоятельствами.

Часто показатели зарегистрированной преступности формируются под влиянием организационных мероприятий, таких, например, как создание или ликвидация правоохранительных структур, передача полномочий от одного министерства другому и т. п. Р. Г. Искалиев в своем диссертационном исследовании приводит в качестве примера подобного рода характер экономической преступности в целом и налоговой преступности в частности, который периодически менялся в зависимости от внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, ликвидации налоговой полиции и других факторов [20, с. 30–33].

Сильное влияние на качество оценки эффективности наказания оказывает латентность, уровень которой по отдельным видам преступлений весьма высок.

В теории приводились оценки латентности некоторых преступлений. Например, для незаконного предпринимательства в сфере строительства она достигает 100 % [32, с. 6], латентность налоговых преступлений лежит в пределах 90–95 % [56].

В 2005 г. Генеральный прокурор РФ выступил с оценкой латентной составляющей преступности в стране. По его данным фактически за год совершается 9–12 млн преступле-

premeditated crimes records of conviction for which are not taken into account in accordance with paragraph “b” of Part 4 of Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation in case of recurrence of crimes, deliberate crimes committed before the person reaches the age of 18 or in the old age, when the commission of new crimes is difficult due to health conditions.

5. Significant errors in assessing the dynamics of relapse are caused by:

– high level of latency of certain types of crimes;

– close attention of law enforcement agencies to previously suspected people, when, with other things being equal, the crimes they have committed repeatedly become known, while similar acts committed by persons who have not previously come into the view of law enforcement agencies may not be solved. Information about repeat offenders, their links, social circle, their photos, fingerprints, special signs and other information are recorded in various accounts, such people are primarily checked for involvement in the crimes committed, therefore the probability of their detention for the repeated offense may be higher than for those whose criminal activity data are not known by law enforcement agencies. Thus, a high proportion of persons who committed crimes in course of relapse may be associated with a higher level of latency of crimes committed by individuals who had not previously come into the view of law enforcement agencies.

6. In criminology, it is customary to distinguish between the causes of a particular crime and the causes of crime in general. The same can be said about the causes of relapse by an individual and the causes of recidivism as a mass phenomenon. In the latter case, the dynamics of recidivism is influenced by circumstances that are not directly related to the execution of punishment, such as the quality of social rehabilitation of convicts, the general economic situation in the country, the employers' willingness to hire previously convicted persons, the rupture of social ties due to the long term of imprisonment, as well as other reasons and conditions characteristic of crime in general.

The dynamics of crime, which M. D. Shargorodsky proposed to use as a criterion for assessing the effectiveness of general prevention, is also determined by many factors. This is evidenced, first of all, by the fact that changes in this indicator occur in the conditions of a stable established judicial practice of imposing criminal penalties. V.S. Vasilyev analyzed statistics on crime in the Vladimir region from 1946 to 1994 and showed that major social upheavals cause violent outbreaks of crime. As we showed above, the crime curve is approximated by the sinusoidal curve, which repeats the damping movements of a pendulum, brought out of balance by a strong external influence and returning to a quiet state for a certain time [7, pp. 65–66]. At the same time, the diverging fluctuations of the crime curve in different directions are determined not by the severity of punishments, which do not change during this period, but by external circumstances.

Registered crime indicators are often formed under the influence of organizational measures, such as, for example, the creation or liquidation of law enforcement bodies, the transfer of powers from one ministry to another, etc. In his dissertation research, when considering this kind behavior, R. G. Iskaliev provides an example of economic crime in general and tax crime in particular: the state of those periodically changed depending on the introduction of amendments to the criminal and criminal procedure legislation, the elimination of the tax police and other factors [20, pp. 30–33].

The quality of evaluating the effectiveness of punishment is strongly influenced by latency, whose level is rather high for certain types of crimes.

In theory, there are given estimates of the latency of some crimes. For example, for illegal entrepreneurship in the construction industry, it reaches 100 % [32, p. 6], the latency of tax crimes lies in the range of 90–95 % [56, p. 431].

In 2005, the General Prosecutor of the Russian Federation made an assessment of the latent component of crime in the country. According to him, in fact, there are between 9 and 12 million crimes

ний, при официально зарегистрированном количестве 3,5 млн [70]. Из указанных данных следует, что уровень латентности всей преступности достаточно велик и может достигать 70 %. Впрочем, по отдельным видам преступлений эта оценка может быть многократно занижена.

С учетом вышеизложенных ограничений сформируем набор правил, в соответствии с которыми следует интерпретировать статистические показатели.

Допустим, что анализ уголовной статистики свидетельствует о благополучной ситуации по отдельному виду преступлений: их количество снижается, равно как и уровень рецидива среди лиц, осужденных за это преступление. Возникает вопрос: во всех ли случаях это обстоятельство свидетельствует об эффективности уголовного наказания? Ранее мы показали, что для ответа на этот вопрос необходимо дополнительно установить следующие обстоятельства: 1) является ли официальная статистика по данному виду преступлений репрезентативной и 2) отражает ли динамика зарегистрированных преступлений этого вида ее фактическую динамику.

В тех случаях, когда ответы на оба эти вопроса положительны, можно говорить об эффективности уголовных наказаний, назначаемых за данное преступление. Однако, учитывая, что на преступность влияет множество факторов, корректный вывод должен звучать следующим образом: «уголовные наказания за данное преступление в складывающихся экономических и политических условиях являются эффективными».

Если же при прочих равных условиях количество определенных преступлений демонстрирует рост по сравнению с предшествующим периодом, это еще нельзя рассматривать как проявление неэффективности уголовных наказаний. Дело в том, что количество совершаемых преступлений в стране периодически изменяется, поэтому нас должно интересовать в этом случае одно – связан ли рост числа преступлений с неэффективностью уголовного наказания или он детерминирован иными обстоятельствами. В последнем случае причины такого поведения преступности могут быть связаны с началом очередного всплеска преступности, экономическими кризисами, социальными потрясениями и т. п.

В подобных ситуациях оценить роль уголовного наказания по данным одной только уголовной статистики невозможно, поэтому возникает необходимость использования вспомогательных критериев эффективности наказания. Как будет показано ниже, весьма плодотворным является сопоставление динамики уровня преступности в различных социальных группах. Идея состоит в следующем: в разных слоях общества действуют специфические детерминанты преступности, приводящие к изменениям в уровне криминальной активности соответствующих социальных групп, что должно находить свое отражение в изменении уровня преступности в соответствующей стране. Сопоставление сведений об уровне преступности в различных группах позволяет обнаружить основные детерминанты преступности и сделать вывод о качестве предупредительного воздействия уголовного наказания. В частности, проведенным исследованием установлено, что работающие граждане более чувствительны к ухудшению экономической ситуации в стране и склонны в такие периоды к усилению криминальной активности. При этом преступность в среде лиц, не имеющих определенного места работы, зависит от состояния экономики в меньшей степени, поскольку эти люди в состоянии кризиса находятся permanently.

Таким образом, возрастание числа отдельных видов преступлений само по себе не свидетельствует о неэффективности общепредупредительного воздействия уголовных наказаний. Такой вывод может быть сделан лишь тогда, когда это сопровождается более-менее равномерным возрастанием уровня преступности во всех социальных группах.

Если же рост числа преступлений обусловлен усилением криминальной активности лишь в отдельных слоях общества, в то время как в других наблюдается ее снижение или стабилизация, то и интерпретировать это следует как проявление неэффективности уголовных наказаний, применяемых по отношению к представителям отдельных социальных групп. В более широком смысле это говорит о том, что негативное воздействие криминогенных факторов на отдельные слои населения в сложившейся социально-экономической ситуации «перевешивает» предупредительное воздействие уголовных наказаний.

committed during the year, with an officially registered number of 3.5 million [70]. From these data, it follows that the latency rate of all crime is large enough and can reach 70 %. However, for certain types of crimes, this estimate may be largely underestimated.

Taking into consideration the above limitations, let us formulate a set of rules that should be used to interpret statistical indicators.

Suppose that analysis of criminal statistics indicates a good situation with a particular type of crimes: their number is declining, as well as the level of relapse among those convicted of this crime. There a question arises: is it for all cases that this circumstance indicates the effectiveness of criminal punishment? As we showed above, to answer this question it is necessary to additionally establish the following circumstances: 1) whether the official statistics on this type of crime are representative, and 2) whether the dynamics of the recorded crimes of this type reflect the actual dynamics.

In cases when the answers to both these questions are positive, we can talk about the effectiveness of criminal penalties imposed for the crime. However, given that many factors affect crime, the correct conclusion should be as follows: “criminal penalties for the given crime are effective in the current economic and political conditions.”

If, all other things being equal, the number of certain crimes shows an increase as compared with the previous period, this cannot yet be considered as a manifestation of the ineffectiveness of criminal punishments. The fact is that the number of crimes committed in the country varies from time to time, therefore we should be interested in one thing – whether the increase in the number of crimes is related to the ineffectiveness of criminal punishment or it is determined by some other circumstances. In the latter case, the causes of such behavior of crime may be associated with the beginning of the next surge of crime, economic crises, social upheavals, etc.

In such situations, it is impossible to assess the role of criminal punishment based on the data of criminal statistics alone, therefore it is necessary to use auxiliary criteria of the effectiveness of punishment. As will be shown below, it is fairly fruitful to compare the dynamics of the level of crime in various social groups. The idea is as follows: in different layers of society there are specific determinants of crime, leading to changes in the level of criminal activity of the relevant social groups, which should be reflected in changes in the level of crime in the corresponding stratum. Comparison of information about the level of crime in different groups allows one to detect the main determinants of crime and to make a conclusion about the quality of the preventive effect of criminal punishment. In particular, a study conducted found that working citizens are more sensitive to the deterioration of the economic situation in the country and tend to increase criminal activity during such periods. At the same time, criminal activity among those who do not have a certain place of work depends on the state of the economy to a lesser extent, since these people are permanently in a state of crisis.

Thus, the increase in the number of individual types of crimes in itself does not testify to the ineffectiveness of the general preventive effect of criminal penalties. Such a conclusion can be made only when it is accompanied by a more or less uniform increase in the level of crime in all social groups.

If the increase in the number of crimes is due to an increase in criminal activity only in certain segments of society, while in others it is observed to decrease or stabilize, then this should be interpreted as a manifestation of the ineffectiveness of criminal punishments applied to members of certain social groups. In a broader sense, this indicates that in the current socio-economic situation the negative impact of criminogenic factors on certain segments of the population outweighs the preventive effect of criminal penalties.

Оценка данных, свидетельствующих об изменении удельного веса лиц, совершивших преступления при рецидиве, в общей массе осужденных также неоднозначна. Для точной интерпретации соответствующей тенденции необходимо дополнительно проанализировать ряд статистических показателей.

Прежде всего нужно иметь в виду, что удельный вес рецидивистов в массе осужденных и удельный вес лиц, совершивших преступления при отсутствии рецидива (для краткости далее их будем называть ранее не судимыми), – взаимозависимые величины, а сумма значений этих двух показателей всегда равна 100 %. Поэтому возрастание одной величины автоматически означает снижение другой. Возникает закономерный вопрос: если снижение доли рецидивистов в массе осужденных – желаемый показатель эффективности индивидуально-предупредительного воздействия уголовного наказания, то как расценивать связанное с ним возрастание сегмента ранее не судимых? Является ли это свидетельством снижения качества общего предупреждения?

Очевидно, что такая интерпретация нас устроить не может, поскольку исключает одновременное повышение эффективности индивидуального и общего предупреждения. Для того чтобы избежать подобной неконструктивной оценки, следует значение относительного показателя, каковым является уровень рецидива, рассматривать в комплексе с абсолютными значениями – динамикой общего числа осужденных, динамикой лиц, совершивших преступления при рецидиве, а также динамикой числа ранее не судимых.

Так, снижение удельного веса рецидивистов в массе всех осужденных на фоне общего снижения числа осужденных, в том числе, осужденных впервые, можно рассматривать как проявление эффективности частнопредупредительного воздействия уголовного наказания. Однако и возрастание этого показателя в ряде случаев можно рассматривать как положительное явление. Например, если в условиях общего снижения преступности и числа осужденных происходит уменьшение численности как ранее судимых, так и не судимых, то это следует рассматривать как наиболее желаемый результат предупредительной деятельности. Он свидетельствует о высокой эффективности общепре-

дупредительного воздействия уголовного наказания, при которой криминальная активность ранее не судимых граждан сокращается. Одновременно с этим снижение числа ранее судимых в массе осужденных свидетельствует и об эффективности частного предупреждения.

Таким образом, динамика рецидива преступлений является комплексным показателем, позволяющим осуществлять правильную интерпретацию лишь в совокупности с анализом данных о численности осужденных, как ранее судимых, так и не судимых. При этом из перечисленных показателей первостепенное значение для оценки имеют абсолютное число осужденных, совершивших преступления при рецидиве, и его динамика.

Вместе с тем, как и в рассматриваемом выше примере по росту числа преступлений, возрастание уровня рецидива с одновременным увеличением абсолютного числа лиц, совершивших преступления при рецидиве, также не всегда следует однозначно оценивать как свидетельство неэффективности частнопредупредительного воздействия наказания.

В подобных случаях необходимо сопоставление данных об уровне рецидива среди осужденных, относящихся к различным группам. И если общий рост рецидива связан с негативными изменениями лишь в отдельной группе, в то время как в остальных тенденция благоприятные, то данное обстоятельство свидетельствует о неэффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний лишь по отношению к той социальной группе, представители которой наиболее интенсивно рецидивизируют. В подобных случаях повышение качества индивидуального предупреждения преступлений, совершаемых при рецидиве, связано с мерами специальной профилактики, применяемыми по отношению к соответствующей социальной группе.

С. М. Иншаков в своей работе при оценках эффективности уголовного наказания кроме данных уголовной статистики опирается и на результаты анкетирования осужденных [19, с. 32–61].

Ранее приводился пример анкетирования осужденных, которым предлагались, в частности, вопросы, связанные с оценкой осужденными вероятности совершения преступления, если бы за него предусматривалось определен-

Evaluation of data indicating a change in the proportion of persons who committed crimes as a relapse in the general mass of convicts might also be ambiguous. For an accurate interpretation of the relevant trend, it is necessary to additionally analyze a number of other statistical indicators.

First of all, it should be born in mind that the proportion of recidivists in the mass of convicts and the proportion of persons who have committed crimes in the absence of relapse (for brevity, we will call them previously not convicted) are interdependent values, and the sum of these two values is always 100 %. Therefore, increase of one value automatically means decrease of the other. There arises a question: if the decrease in the share of repeat offenders in the mass of convicts is the desired indicator of the effectiveness of the individual preventive impact of criminal punishment, then how to assess the increase in the segment of those not previously convicted, associated with that? Is this an evidence of a lowering quality of general prevention?

Obviously, such an interpretation cannot suit us, since it excludes the possibility of simultaneous increase in the effectiveness of individual and general prevention. In order to avoid such a non-constructive assessment, the value of the relative indicator, which is the level of recidivism, should be considered in conjunction with absolute values – the dynamics of the total number of convicts, the dynamics of persons who committed crimes as a relapse, and the number of persons previously not tried.

Thus, a decrease in the proportion of repeat offenders in the mass of all convicts against the background of the general decline in the number of convicts, including those convicted for the first time, can be considered a manifestation of the effectiveness of individual preventive impact of criminal punishment. However, in some cases the increase of this indicator can also be considered a positive phenomenon. For example, if in the conditions of a general decrease in the crime and the number of convicts, there is decrease in the number of both previously tried and not tried, this should be considered as the most desirable result

of preventive activities. It testifies to the high effectiveness of the general preventive impact of criminal punishment, in which criminal activity of previously not convicted citizens decreases. At the same time, the decline in the number of previously convicted in the mass of convicts also indicates the effectiveness of individual prevention.

Thus, the dynamics of recidivism is a complex indicator that allows for correct interpretation only in conjunction with the analysis of data on the number of convicts, both previously convicted and not previously convicted. At the same time, of the listed indicators, the absolute number of convicts who committed a crime as a relapse and its dynamics are of paramount importance for evaluation.

However, as in the above example with an increase in the number of crimes, an increase in the level of recidivism with a simultaneous increase in the absolute number of persons who committed a crime repeatedly also should not always be unequivocally evaluated as evidence of the ineffectiveness of the individual preventive impact of punishment.

In such cases, it is necessary to compare data on the level of recidivism among convicts belonging to different groups. And if the overall increase in recidivism is associated with negative changes only in a particular group, with the rest of the trends being favorable, then this fact indicates the ineffectiveness of the preventive impact of criminal punishments only in relation to the social group whose representatives most intensively recur. In such cases, improving the quality of individual prevention of crimes committed as relapse is associated with measures of special prevention applied to the relevant social group.

S. M. Inshakov, while assessing the effectiveness of criminal punishment, in addition to data of criminal statistics, relies on the results of the questioning of convicts [19, pp. 32–61].

Previously, there was an example of questioning prisoners who were offered questions related to assessing the likelihood of committing a crime, if there was a certain punishment provided

ное наказание. Мы признали такую постановку вопроса некорректной в связи с тем, что реальные санкции всегда альтернативны. По сути, осужденному предлагалась для анализа гипотетическая ситуация, с которой в реальной жизни он не столкнется.

Однако у нас есть сомнения относительно самой возможности оценить эффективность наказаний путем анкетирования осужденных. И дело не только в том, что часть ответов на вопросы не будут соответствовать истинным представлениям анкетированных лиц. Естественно, что некоторая часть ответов не будет отражать реального отношения осужденных к наказанию и, таким образом, исказить полученный результат. Эта проблема не является новой для подобных методов исследования, и на ней нет смысла специально останавливаться (хотя, заметим, недобросовестность части респондентов – это объективный факт, негативно влияющий на точность результатов при анкетировании).

На наш взгляд, самые существенные недостатки анкетирования в данном случае состоят в ином, а именно:

- вопрос задается лицам, которых уголовное наказание уже не удержало от совершения преступления. Как правило, анкетированию подвергаются осужденные к лишению свободы на определенный срок, поскольку они, во-первых, являются наиболее интересной категорией для изучения и, во-вторых, их относительно просто опросить. Естественно ожидать, что к другим наказаниям такая категория анкетированных относится «снисходительно», бравидуруя строгостью полученного наказания;

- предложенная осужденному гипотетическая ситуация, в которой он якобы намеревается совершить преступление и должен оценить свою решимость в зависимости от строгости грозящего наказания, встречается в меньшей части случаев совершения преступлений. Подавляющая часть лиц, совершающих или готовящих совершение преступлений, не думают о возможном наказании. По результатам проведенного в рамках настоящего исследования анкетирования осужденных из 939 человек на вопрос «испытывали ли Вы страх перед возможным наказанием при подготовке и совершении преступления?» положительно ответили всего 15,7%. Однако и у этой, меньшей, части осужденных нашлись причины преодолеть страх наказания.

В связи с этим полагаем, что если бы все граждане просчитывали свои действия с учетом возможных негативных последствий, уровень преступности был бы существенно ниже. Однако проблема эффективности уголовного наказания в том и состоит, что страх подвергнуться репрессии далеко не всегда «работает» так, как нам хотелось бы.

Таким образом, научная ценность опроса осужденных нам представляется в данном конкретном случае невысокой, а степень достоверности результатов – низкой.

Выводы

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы

- эффективность уголовного наказания означает его способность эффективно достигать провозглашенные законодателем цели наказания в конкретных социально-экономических условиях;

- эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания можно рассматривать в качестве интегрального показателя, отражающего одновременно и эффективность уголовно-правового воздействия в целом;

- единственным перспективным способом изучения предупредительного воздействия уголовного наказания является анализ предупредительного воздействия всех применяемых наказаний за конкретные преступления как единого целого;

- в качестве базовых критериев эффективности уголовного наказания могут быть приняты предлагавшиеся в теории динамика преступности и динамика рецидива преступлений;

- дополнительными критериями эффективности могут выступать: уровень преступности в отдельных социальных группах; уровень рецидива среди осужденных, принадлежащих к различным социальным группам; динамика числа осужденных, в том числе совершивших преступления при рецидиве преступлений.

Авторы полагают, что вопросы оценки эффективности уголовного наказания достаточно сложны, требуют дальнейших научных изысканий и в рамках данной статьи они далеко не на все из них ответили, но, по крайней мере, постарались привлечь внимание коллег к данной проблеме.

for it. We recognized such a statement of the question as incorrect since real sanctions are always alternative. In essence, convicts were offered a hypothetical situation that they would not face in real life.

However, we have doubts about the very possibility of assessing the effectiveness of punishments through questioning convicts. And the point is not only in the fact that part of the answers to the questions will not correspond to the true ideas of the respondents. Naturally, some of the answers will not reflect the real attitude of convicts to punishment and, thus, distort the result. This problem is not new for such research methods, and it makes no sense to dwell on it (however, we should note that dishonesty of some respondents is an objective fact that negatively affects the accuracy of results in a survey).

In our opinion, in this case the most significant shortcomings of surveying are different, namely:

- The question is asked to people who committed a crime despite criminal punishment – i.e. punishment did not have a deterrent effect on them. As a rule, people subject to questioning are those sentenced to imprisonment for a certain period of time: firstly, they are the most interesting category to study and, secondly, they are relatively easy to interview. It is natural to expect that such category of the interviewed have a “condescending” attitude towards other punishments, flaunting the severity of the punishment received;

- The hypothetical situation proposed for the convicted person, in which he allegedly intends to commit a crime and must evaluate his determination depending on the severity of the threatening punishment, is found in the lesser part of the crimes committed. The overwhelming majority of those committing or preparing to commit crimes do not think about possible punishment. According to the results of the survey of convicts conducted as part of this study, out of 939 people only 15.7% positively answered the question “Did you have fear of possible punishment while preparing and committing the crime?” However, even this, smaller part of the convicts, found the reasons to overcome the fear of punishment.

In this regard, we believe that if all citizens planned their actions taking into account possible negative consequences, crime rate would be significantly lower. However, the problem of the effectiveness of criminal punishment lies in the fact that the fear of being subjected to repression does not always work the way we would like it to work.

Thus, in this particular case the scientific value of interviewing convicts seems to us to be low, and the degree of reliability of the results appears to be low.

Conclusion

Based on the foregoing, we can draw the following conclusions:

- The effectiveness of criminal punishment means its capability to effectively achieve the goals of punishment proclaimed by the legislator in specific socio-economic conditions;

- The effectiveness of the preventive impact of criminal punishment can be regarded as an integral indicator reflecting simultaneously the effectiveness of the criminal law impact in general;

- The only promising way to study the preventive effect of criminal punishment is to analyze the preventive effect of all penalties applicable for specific crimes as a whole.

- The dynamics of crime and the dynamics of recidivism, proposed in theory, can be taken as basic criteria for assessing the effectiveness of criminal punishment;

- Additional criteria of the effectiveness may include: the level of crime in certain social groups; the level of recidivism among convicts belonging to different social groups; the dynamics of the number of convicts, including those who committed crimes as relapse.

Thus, the issues of evaluating the effectiveness of criminal punishment appear to be rather complex and requiring further scientific research. The authors believe they are far from answering all of them in this article, but at least they made an attempt to attract the attention of their colleagues to this problem.

Библиографический список

1. Антонов О. А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // Юристы-правоведы. 2009. № 5. С. 45–48.
2. Антоян Ю. М. Криминология: избр. лекции. М., 2004. 448 с.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. 184 с.
4. Бикситова Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области): дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006. 178 с.
5. Бытко С. Ю. Массовое сокрытие убийств: соответствуют ли оценки НИИ Генпрокуратуры реальности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2. С. 177–184.
6. Бытко С. Ю. Эффективность предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Гражданское общество и правовое государство: материалы междунар. конф. (10–11 октября 2014 г.). Барнаул, 2015. Т. 2. С. 67–70.
7. Васильев В. С. Причинность преступности и статистические закономерности // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 62–66.
8. Верина Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
9. Гернет М. Н. Общественные причины преступности // Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 38–202.
10. Гончаренко Г. С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника. URL: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (дата обращения: 15.10.2014).
11. Громов В. Г. Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы. М.: Новый индекс, 2008. 336 с.
12. Дворецкий М. Ю., Курманова О. Н. Российская система наказаний в контексте повышения эффективности отдельных видов уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 341–344.
13. Долгова А. И. Криминология. М.: НОРМА, 2005. 912 с.
14. Ермолович Я. Н. Эффективность военно-уголовных норм и эффективность военно-уголовной политики // Военное право. 2012. Вып. № 1. URL: <http://www.voennoe-pravo.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
15. Жалинский А. Э. Оценки эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью // Право и политика. 2009. № 4. С. 819–826.
16. Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 15. С. 3–10.
17. Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9. С. 52–58.
18. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 10–14.
19. Иншаков С. М. Эффективность уголовного наказания: методика анализа // Вестник Московского государственного литературного университета ГЛИУ. 2014. Вып. 25. С. 50–53.
20. Искалиев Р. Г. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 198 с.
21. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюиздат, 1960. 223 с.
22. Кобец П. Н. Анализ структуры рецидивной преступности лиц, подвергавшихся различным видам наказаний // Инновационная наука. 2015 № 11–3. С. 168–170.
23. Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона: сб. учен. тр. Свердловск, 1975. Вып. 37. С. 27–38.
24. Козаченко И. Я. Можно ли исправить неисправимое? // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 113–116.
25. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под ред. Я. И. Гилинского; пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2011.

References

1. Antonov O. A. *Vosstanovlenie sotsial'noy spravedlivosti kak tsel' realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti* [Restoration of Social Justice as the Aim of Realization of Criminal Responsibility]. *Jurist-Pravoved*. 2009. Issue 5. Pp. 45–48. (In Russ.).
2. Antonyan Yu. M. *Kriminologiya. Izbrannye lektsii* [Criminology. Selected Lectures]. Moscow, 2004. 448 p. (In Russ.).
3. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, 1995. 184 p. (In Russ.).
4. Biksitova B. S. *Effektivnost' ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody (po materialam Orenburgskoy oblasti): dis. ... kand. jurid. nauk* [Effectiveness of the Execution of Criminal Punishment in the Form of Imprisonment (Based on the Materials of the Orenburg Region): Cand. jurid. sci. diss.]. Bishkek, 2006. 178 p. (In Russ.).
5. Bytko S. Yu. *Massovoe sokrytie ubiystv: sootvetstvuyut li otsenki NII Genprokuratury real'nosti* [Massive Concealment of Murders in the Ministry of Internal Affairs: Whether the Evaluation of the Research Institute of the Prosecutor General's Office Corresponds to the Reality]. *Vestnik SGYuA – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2014. Issue 2. Pp. 177–184. (In Russ.).
6. Bytko S. Yu. *Effektivnost' preduprezhdeniya prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* [Effective Prevention of Crimes in the Sphere of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances]. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (10–11 oktyabrya 2014 g.)* [Civil Society and Rule-of-Law State: Proceedings of the International Conference (October 10–11, 2014)]. Barnaul, 2015. Vol. 2. Pp. 67–70. (In Russ.).
7. Vasil'ev V. S. *Prichinnost' prestupnosti i statisticheskie zakonomernosti* [Causality of Crime and Statistical Regularities]. *Kriminal'naya situatsiya na rubezhe vekov v Rossii / pod red. A. I. Dolgovoy* [The Criminal Situation at the Turn of the Century in Russia; ed. by A.I. Dolgova]. Moscow, 1999. Pp. 62–66. (In Russ.).
8. Verina G. V. *Fundamental'nye ponyatiya ugovolnogo prava Rossii: aktual'nye problemy* [The Fundamental Concepts of the Criminal Law of Russia: Actual Problems]. Moscow, 2018. 200 p. (In Russ.).
9. Gernet M. N. *Obshchestvennye prichiny prestupnosti* [Social Causes of Crime]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1974. Pp. 38–202. (In Russ.).
10. Goncharenko G. S. *Kriminologicheskiy analiz lichnosti korruptsiionnogo prestupnika* [Criminological Analysis of the Identity of a Corruption Offender]. Available at: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (accessed 15.10.2014). (In Russ.).
11. Gromov V. G. *Osnovnye napravleniya snizheniya kriminogennogo potentsiala mest lisheniya svobody* [The Main Directions of Reducing the Criminogenic Potential of Places of Detention]. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.).
12. Dvoretzkiy M. Yu., Kurmanova O. N. *Rossiyskaya sistema nakazaniy v kontekste povysheniya effektivnosti otdel'nykh vidov ugovolnoy otvetstvennosti* [Russian System of Punishments in the Context of Increasing Effectiveness of Certain Types of Criminal Responsibility]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2010. Issue 4. Pp. 341–344. (In Russ.).
13. Dolgova A. I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.).
14. Ermolovich Ya. N. *Effektivnost' voenno-ugolovnykh norm i effektivnost' voenno-ugolovnoy politiki* [Effectiveness of the Military-Criminal Rules and Military-Criminal Policy]. *Voennoe pravo – Military Law*. 2012. Issue 1. Available at: <http://www.voennoe-pravo.ru> (accessed 15.10.2014). (In Russ.).
15. Zhalinskiy A. E. *Otsenki effektivnosti ugovolno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu* [Evaluating the Effectiveness of Criminal Law Prevention of Crime]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 2009. Issue 4. Pp. 819–826. (In Russ.).
16. Zhalinskiy A. E., Gerasun A. A. *Kriminologicheskie aspekty nepredumyshlennykh prestupleniy* [Criminological Aspects of Manslaughters]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu – Issues of Fighting Crime*. 1972. Issue 15. Pp. 3–10. (In Russ.).
17. Zelinskiy A. F. *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty neosoznavaemoy psikhicheskoy deyatel'nosti* [Criminological and Criminal Law Aspects of Unconscious Mental Activity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1984. Issue 9. Pp. 52–58. (In Russ.).
18. Zubkova V. I. *Vosstanovlenie sotsial'noy spravedlivosti kak tsel' ugovolnogo nakazaniya i ee dostizhenie v protsesse otbyvaniya nakazaniya* [Restoration of Social Justice as the Goal of Criminal Punishment and Its Achievement in the Process of Serving the

26. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
27. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.
28. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2011. 624 с.
29. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2015. 269 с.
30. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 22–31.
31. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс-Клувер, 2009. 579 с.
32. Мадатов Я. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 25 с.
33. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чуачаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. 148 с.
34. Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1993. 46 с.
35. Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. ВА МВД России. Волгоград, 2007. 224 с.
36. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. ПСС. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13. 805 с.
37. Минская В. С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 14. С. 55–60.
38. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.
39. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие / под ред. Г. Б. Виттенберга. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. 90 с.
40. Нартымов Д. М. Проблемы повышения эффективности наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 30 с.
41. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1996. 560 с.
42. Никонов В. А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 36 с.
43. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. 154 с.
44. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Дрофа, 2002. 908 с.
45. Панченко П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юрид. техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1999. С. 104–112.
46. Паиков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.
47. Паиков А. С., Явич Л. С. Эффективность правовой нормы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41–44.
48. Перминов О. Г. Проблемы реализации наказания. М.: Элит, 2003. 255 с.
49. Поздняков Э. А. Философия преступления. М.: Интурреклама, 2001. 576 с.
50. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
51. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 2001. 432 с.
52. Путин призвал чиновников соблюдать процедуры или уйти, как Кудрин. URL: <http://ria.ru/politics/20131114/976926063.html> (дата обращения: 25.11.2013).
53. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3–12.
54. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1990. 1632 с.
55. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М.: Академ. проект, 2004. 863 с.
56. Соловьев И. Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (ст. 198 и 199 Уголовного Sentence]. *Vestnik instituta: prestuplenie, n akazanie, ispravlenie* – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2010. Issue 9. Pp. 10–14. (In Russ.).
19. Inshakov S. M. *Effektivnost' ugovnogo nakazaniya: metodika analiza* [The Effectiveness of Criminal Punishment: Methods of Analysis]. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2014. Issue 25 (711). Pp. 50–53. (In Russ.).
20. Iskaliev R. G. *Ugovnaya otvetstvennost' za sokrytie denezhnykh sredstv i imushchestva, za schet kotorykh dolzhno proizvodit'sya vzykanie nalogov i sborov: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Liability for Concealing Funds and Fees should Be Collected: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 198 p. (In Russ.).
21. Kerimov D.A. *Svoboda, pravo i zakonnost' v sotsialisticheskoy obshchestve* [Freedom, Law and Legality in a Socialist Society]. Moscow, 1960. 223 p. (In Russ.).
22. Kobets P.N. *Analiz struktury retsidivnoy prestupnosti lits, podvergavshikhся razlichnym vidam nakazaniy* [Analysis of the Structure of Recidivism of Persons Subjected to Various Types of Punishment]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 2015. Issue 11–3. Pp. 168–170. (In Russ.).
23. Kovalev M.I. *K voprosu ob effektivnosti ugovnogo zakonodatel'stva* [On the Issue of the Effectiveness of Criminal Legislation]. *Problemy effektivnosti ugovnogo zakona: sbornik uchen. trudov* [Problems of the Effectiveness of Criminal Law: Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1975. Issue 37. Pp. 27–38. (In Russ.).
24. Kozachenko I. Ya. *Mozhno li ispravit' neispravimoe?* [Can You Correct Someone Incurable?]. *Rossiyskiy juridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2016. Issue 4. Pp. 113–116. (In Russ.).
25. Kristi N. *Prichinyaya bol'. Rol' nakazaniya v ugovnoy politike / pod red. Ya. I. Gilinskogo* [Christie N. Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy; ed. by Ya. I. Gilinskiy]. St. Petersburg, 2011. (In Russ.).
26. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: the Norm and Pathology]. Moscow, 1982. 287 p. (In Russ.).
27. Kudryavtsev V. N., Nikitinskiy V. I., Samoshchenko I. S. *Effektivnost' pravovykh norm* [The Effectiveness of Legal Norms]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).
28. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov* [The Course of Criminal Law. General Part: Textbook for Universi-
- ties]. Vol. 1. *Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy* [The Doctrine of Crime; ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova]. Moscow, 2011. 624 p. (In Russ.).
29. Latysheva L. A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugovno-ispolnitel'nyy i kriminologicheskiy aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Resocialization of Prisoners Sentenced to Deprivation of Liberty: Criminal Executive and Criminological Aspects: Cand. jurid. sci. diss.]. Vologda, 2015. 269 p. (In Russ.).
30. Lebedev M. P. *Ob effektivnosti vozdeystviya sotsialisticheskogo prava na obshchestvennyye otnosheniya* [On the Effectiveness of the Impact of Socialist Law on Social Relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1963. Issue 1. Pp. 22–31. (In Russ.).
31. Lopashenko N. A. *Ugovnaya politika* [Criminal Policy]. Moscow, 2009. 579 p. (In Russ.).
32. Madatov Ya. G. *Ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty bor'by s nezakonnym predprinimatel'stvom v sfere stroitel'stva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Law and Criminological Aspects of Fighting Illegal Entrepreneurship in the Sphere of Construction: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2003. 25 p. (In Russ.).
33. Maksimov S. V. *Tsel' v ugovnom prave: metodologicheskie aspekty / отв. ред. А. И. Чуачаев* [Purpose in Criminal Law: Methodological Aspects; ed. by A.I. Chuchaev]. Ulyanovsk, 2002. 148 p. (In Russ.).
34. Maksimov S. V. *Effektivnost' obshchego preduprezhdeniya prestupleniy: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Effectiveness of General Crime Prevention: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1993. 46 p. (In Russ.).
35. Mal'tsev V. V. *Nakazanie i problemy ego znacheniya v ugovnom prave* [Punishment and Problems of Its Awarding in Criminal Law]. Volgograd, 2007. 224 p. (In Russ.).
36. Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie* [A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface]. *K. Marx and F. Engels. PSS. 2-e izd.* [K. Marx and F. Engels. Complete Works. 2nd ed.]. Moscow, 1959. Vol. 13. 805 p. (In Russ.).
37. Minskaya V. S. *Ugovnaya otvetstvennost' za korruptsionnye prestupleniya* [Criminal Liability for Crimes of Corruption]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury RF – Bulletin of the Academy of the R. F. Prosecutor General's Office*. 2009. Issue 14. Pp. 55–60. (In Russ.).
38. Mitskevich A. F. *Ugovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal

- кодекса): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 250 с.
57. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986. 237 с.
58. Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний (реализация и эффективность): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. 240 с.
59. Стромов В. Ю. Цели наказания и совершенствования эффективности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 443–450.
60. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2 : Логика правового исследования (Как написать диссертацию). М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
61. Тер-Акопов А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. 362 с.
62. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л. И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2003. 246 с.
63. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
64. Уолд Дж. Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли // Наука и жизнь. 1967. № 2. С. 70–83.
65. Усманов И. М. Условия эффективности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Право и безопасность. 2009. № 33. С. 97–98.
66. Федосенко В. Трансплантологов оправдали. Окончательно? Верховный суд признал врачей невиновными // Российская газета. 2006. 22 дек.
67. Федосова В. А. Эффективность действия норм советского права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.
68. Фролова С. М. Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2012. Ч. 54. С. 57–58.
69. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с.
70. Шкель Т. Исцелился сам. Генпрокурор вскрыл болезни общества // Российская газета. 2005. 10 марта.
71. Albonnetti C. A. 1986. Criminality, Prosecutorial and Uncertainty: Toward a Theory of Discretionary Decision-Making in Felony Case. *Criminology* 24.
72. Appleman L. I. Deviancy, Dependency, and Disability: the Forgotten History of Eugenics and Mass Incarceration // *Duke Law Journal*. 2018. Vol. 3. Pp. 417–478.
73. Blumstein A., Cohen J. 1980. Sentencing Convicted Offenders: An Analysis of the Public's View. *Law and Society Review* 14. Pp. 223–261.
74. Draper T. An Introduction to Jeremy Bentham's Theory of Punishment. *UCL Bentham Project Journal of Bentham Studies*, 2002. Vol. 5. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1323717/1/005%20Draper%202002.pdf>. (дата обращения: 10.01.2019 г).
75. Hart H. Prolegomenon to the Principles of Punishment. 1960.
76. Herberger J., Magda E. Aggression in Prison Service Personnel and its Causation // *The Open Criminology Journal*. 2015. Vol. 8. С. 12–18.
77. Jacoby J., Dunn C.S. 1987. National Survey on Punishment for Criminal Offenses: Executive Summary. Paper prepared for the National Conference for criminal Offenses, Ann Arbor, Michigan.
78. Kalmthout A. M. van. Sanctions-systems in the member-states of the Council of Europe. P. J. P. Tak. Deventer -Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1992. Pt. 2. 880 p.
79. Langan H. Recidivism of Felons on probation. Washington. DC: U.S. Department of Justice. 1992.
80. Tarbagaev A. N. Alternative sanctions in Russian Criminal Law: historical roots and present-day trends // *Review of Central and East European Law*. 1998. Vol. 24, № 3/4. Pp. 329–359.
81. Tarbagaev A. N. The Sanctions System in Russian Criminal Law // *South African Journal of Criminal Justice*. 2000. Vol. 13, № 2. Pp. 160–170.
82. Will Electronic Monitoring Have a Future in Europe? / ed. by M. Mayer, R. Haverkamp, R. Levy. Freiburg. Breisgau: Edition Iuscrim, 2003. 282 p.

- Punishment: Concept, Goals and Mechanisms of Action]. St. Petersburg, 2005. 327 p. (In Russ.).
39. *Naznachenie nakazaniya, ego effektivnost' i osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya: uchebnoe posobie / pod red. G. B. Vittenberga* [Awarding Punishment, Its Effectiveness and Relief from Criminal Liability and Punishment: Textbook; ed. by G. B. Vittenberg]. Irkutsk, 1978. 90 p. (In Russ.).
40. Nartymov D. M. *Problemy povysheniya effektivnosti nakazaniya: avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Increasing the Efficiency of Punishment: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2010. 30 p. (In Russ.).
41. Naumov A. V. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsiy* [Criminal Law. General Part: Course of Lectures]. Moscow, 1996. 560 p. (In Russ.).
42. Nikonov V. A. *Effektivnost' obshchepredupreditel'nogo vozdeystviya ugovnogo nakazaniya: avto-ref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Effectiveness of General Preventive Impact of Criminal Punishment: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1994. 36 p. (In Russ.).
43. Noy I. S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovnom prave* [Issues of the Theory of Punishment in the Soviet Criminal Law]. Saratov, 1962. 154 p. (In Russ.).
44. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2002. 908 p. (In Russ.).
45. Panchenko P. N. *Upravlenie primeneniem ugovnogo zakonodatel'stva kak strategiya i taktika ugovnoy politiki* [Management of the Application of Criminal Legislation as a Strategy and Tactics of Criminal Policy]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve / pod red. L. L. Kruglikova* [Problems of Legal Technology in Criminal and Criminal Procedure Legislation; ed. by L. L. Kruglikov]. Yaroslavl, 1999. Pp. 104–112. (In Russ.).
46. Pashkov A. S., Chechot D. M. *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya i metody ee vyyavleniya* [The Effectiveness of Legal Regulation and Methods for Its Detection]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1965. Issue 8. Pp. 3–11. (In Russ.).
47. Pashkov A. S., Yavich L. S. *Effektivnost' pravovoy normy* [The Effectiveness of Legal Norm]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1970. Issue 3. Pp. 41–44. (In Russ.).
48. Perminov O. G. *Problemy realizatsii nakazaniya* [Issues of Punishment Implementation]. Moscow, 2003. 255 p. (In Russ.).
49. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya prestupleniya* [Philosophy of Crime]. Moscow, 2001. 576 p. (In Russ.).
50. Prigozhin I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of Instability]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1991. Issue 6. Pp. 46–57. (In Russ.).
51. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, 2001. 432 p. (In Russ.).
52. *Putin prizval chinovnikov soblyudat' protsedury ili uyti, kak Kudrin* [Putin Appealed to Officials to Abide by Procedures or to Leave Like Kudrin]. Available at: <http://ria.ru/politics/20131114/976926063.html> (accessed 25.11.2013). (Russ.).
53. Samoshchenko I. S., Nikitinskiy V. I. *Izuchenie effektivnosti deystvuyushchego zakonodatel'stva* [Study of the Effectiveness of Current Legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1969. Issue 8. Pp. 3–12. (In Russ.).
54. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. A. M. Prokhorova* [Soviet Encyclopedic Dictionary; ed. by A. M. Prokhorov]. Moscow, 1990. 1632 p. (In Russ.).
55. *Sovremennyy filosofskiy slovar' / pod red. V. E. Kemerova* [Modern Philosophical Dictionary; ed. by V. E. Kemerov]. Moscow, 2004. 863 p. (In Russ.).
56. Solov'ev I. N. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika nalogovykh prestupleniy (st. st. 198 i 199 Ugovnogo kodeksa): dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Law and Criminological Characteristics of Tax Crimes (Art. 198 and 199 of the Criminal Code): Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1999. 250 p. (In Russ.).
57. Spiridonov L. I. *Sotsiologiya ugovnogo prava* [Sociology of Criminal Law]. Moscow, 1986. 237 p. (In Russ.).
58. Stromov V. Yu. *Sistema ugovnykh nakazaniy (realizatsiya i effektivnost'): dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Penalties System (Implementation and Effectiveness): Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2009. 240 p. (In Russ.).
59. Stromov V. Yu. *Tseli nakazaniya i sovershenstvovaniya effektivnosti ikh realizatsii* [Aims of Punishment and Perfection of Their Execution]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2006. Issue 4. Pp. 443–450. (In Russ.).

References

1. Antonov O. A. *Vosstanovlenie sotsial'noy spravedlivosti kak tsel' realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti* [Restoration of Social Justice as the Aim of Realization of Criminal Responsibility]. *Jurist-Pravoved*. 2009. Issue 5. Pp. 45–48. (In Russ.).
2. Antonyan Yu. M. *Kriminologiya. Izbrannye lektsii* [Criminology. Selected Lectures]. Moscow, 2004. 448 p. (In Russ.).
3. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, 1995. 184 p. (In Russ.).
4. Biksitova B. S. *Effektivnost' ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody (po materialam Orenburgskoy oblasti): dis. ... kand. jurid. nauk* [Effectiveness of the Execution of Criminal Punishment in the Form of Imprisonment (Based on the Materials of the Orenburg Region): Cand. jurid. sci. diss.]. Bishkek, 2006. 178 p. (In Russ.).
5. Bytko S. Yu. *Massovoe sokrytie ubiystv: sootvetstvuyut li otsenki NII Genprokuratury real'nosti* [Massive Concealment of Murders in the Ministry of Internal Affairs: Whether the Evaluation of the Research Institute of the Prosecutor General's Office Corresponds to the Reality]. *Vestnik SGYuA – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2014. Issue 2. Pp. 177–184. (In Russ.).
6. Bytko S. Yu. *Effektivnost' preduprezhdeniya prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* [Effective Prevention of Crimes in the Sphere of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances]. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (10–11 oktyabrya 2014 g.)* [Civil Society and Rule-of-Law State: Proceedings of the International Conference (October 10–11, 2014)]. Barnaul, 2015. Vol. 2. Pp. 67–70. (In Russ.).
7. Vasil'ev V. S. *Pri chinnost' prestupnosti i statisticheskie zakonomernosti* [Causality of Crime and Statistical Regularities]. *Kriminal'naya situatsiya na rubezhe vekov v Rossii / pod red. A. I. Dolgovoy* [The Criminal Situation at the Turn of the Century in Russia; ed. by A.I. Dolgova]. Moscow, 1999. Pp. 62–66. (In Russ.).
8. Verina G. V. *Fundamental'nye ponyatiya ugolovnogo prava Rossii: aktual'nye problemy* [The Fundamental Concepts of the Criminal Law of Russia: Actual Problems]. Moscow, 2018. 200 p. (In Russ.).
9. Gernet M. N. *Obshchestvennye prichiny prestupnosti* [Social Causes of Crime]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1974. Pp. 38–202. (In Russ.).
10. Goncharenko G. S. *Kriminologicheskiy analiz lichnosti korruptsiionnogo prestupnika* [Criminological Analysis of the Identity of a Corruption Offender]. Available at: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (accessed 15.10.2014). (In Russ.).
11. Gromov V. G. *Osnovnye napravleniya snizheniya kriminogenogo potentsiala mest lisheniya svobody* [The Main Directions of Reducing the Criminogenic Potential of Places of Detention]. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.).
12. Dvoretzkiy M. Yu., Kurmanova O. N. *Rossiyskaya sistema nakazaniy v kontekste povysheniya effektivnosti otdel'nykh vidov ugolovnoy otvetstvennosti* [Russian System of Punishments in the Context of Increasing Effectiveness of Certain Types of Criminal Responsibility]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2010. Issue 4. Pp. 341–344. (In Russ.).
13. Dolgova A. I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.).
14. Ermolovich Ya. N. *Effektivnost' voenno-ugolovnykh norm i effektivnost' voenno-ugolovnoy politiki* [Effectiveness of the Military-Criminal Rules and Military-Criminal Policy]. *Voennoe pravo – Military Law*. 2012. Issue 1. Available at: <http://www.voennoe-pravo.ru> (accessed 15.10.2014). (In Russ.).
15. Zhalinskiy A. E. *Otsenki effektivnosti ugolovno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu* [Evaluating the Effectiveness of Criminal Law Prevention of Crime]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 2009. Issue 4. Pp. 819–826. (In Russ.).
16. Zhalinskiy A. E., Gerasun A. A. *Kriminologicheskie aspekty nepredumyshlennykh prestupleniy* [Criminological Aspects of Manslaughters]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu – Issues of Fighting Crime*. 1972. Issue 15. Pp. 3–10. (In Russ.).
17. Zelinskiy A. F. *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty neosoznavaemoy psikhicheskoy deyatel'nosti* [Criminological and Criminal Law Aspects of Unconscious Mental
18. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t.* [Logical Foundations of the General Theory of Law: in 2 vols.]. Vol. 2. *Logika pravovogo issledovaniya (Kak napisat' dissertatsiyu)* [Logic of Legal Research (How to Write a Dissertation)]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.).
19. Ter-Akopov A. A. *Pravovye osnovaniya otvetstvennosti za voinskie prestupleniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Foundations of Responsibility for Military Crimes: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1982. 362 p. (In Russ.).
20. *Ugolovnaya politika i ee realizatsiya organami vnutrennikh del: uchebnik / pod red. L. I. Belyaevoy* [Criminal Policy and Its Implementation by the Internal Affairs Agencies: Textbook; ed. by L. I. Belyaeva]. Moscow, 2003. 246 p. (In Russ.).
21. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya vuzov / otv. red. L. L. Kruglikov* [Criminal Law of Russia. General Part: Textbook for Universities; ed. by L. L. Kruglikov]. Moscow, 2005. 592 p. (In Russ.).
22. Wald G. *Determinizm, individual'nost' i problema svobodnoy voli* [Determinism, Individuality and Problem of Free Will]. *Nauka i zhizn*. 1967. Issue 2. Pp. 70–83. (In Russ.).
23. Usmanov I. M. *Usloviya effektivnosti uslovnodosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya* [Conditions of Efficiency of Grant of Parole from Service of Sentence]. *Pravo i bezopasnost' – Law and Security*. 2009. Issue 33. Pp. 97–98. (In Russ.).
24. Fedosenko V. *Transplantologov opravdali. Okonchatel'no? Verkhovnyy sud priznal vrachey nevinovnymi* [Transplantologists Acquitted. Finally? The Supreme Court Found Doctors Innocent]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2006. December 22. (In Russ.).
25. Fedosova V. A. *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo prava* [The Effectiveness of the Rules of the Soviet Law]. Voronezh, 1984. 157 p. (In Russ.).
26. Frolova S. M. *Ponyatie effektivnosti ispravitel'nykh rabot primenitel'no k nesovershennoletnim osuzhdennym* [The Concept of the Effectiveness of Correctional Work in Relation to Juvenile Offenders]. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk, 2012. Part 54. Pp. 57–58. (In Russ.).
27. Shargorodskiy M. D. *Nakazanie, ego tseli i effektivnost'* [Punishment, Its Purpose and Effectiveness]. Leningrad, 1973. 160 p. (In Russ.).
28. Shkel' T. *Istselisya sam. Genprokuror vskryl bolezni obshchestva* [Heal Yourself. The Prosecutor General Has Revealed the Illnesses of the Society]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2005. March 10. (In Russ.).
29. Albonnetti C. A. *Criminality, Prosecutorial and Uncertainty: Toward a Theory of Discretionary Decision-Making in Felony Case*. *Criminology*. 1986. Issue 24. P. 623. (In Eng.).
30. Appleman L. I. *Deviancy, Dependency, and Disability: the Forgotten History of Eugenics and Mass Incarceration*; L. I. Appleman. *Duke Law Journal*. 2018. Vol. 3. Pp. 417–478. (In Eng.).
31. Blumstein A., Cohen J. *Sentencing Convicted Offenders: An Analysis of the Public's View*. *Law and Society Review*. 1980. Issue 14. Pp. 223–261. (In Eng.).
32. Draper T. *An Introduction to Jeremy Bentham's Theory of Punishment*. *UCL Bentham Project Journal of Bentham Studies*. 2002. Vol. 5. Available at: <http://discovery.ucl.ac.uk/1323717/1/005%20Draper%202002.pdf> (accessed 10.01.2019). (In Eng.).
33. Hart H. *Prolegomenon to the Principles of Punishment*. 1960. Pp. 21–22. (In Eng.).
34. Herberger J., Magda E. *Aggression in Prison Service Personnel and its Causation*. *The Open Criminology Journal*. 2015. Vol. 8. Pp. 12–18. (In Eng.).
35. Jacoby J., Dunn C. S. *National Survey on Punishment for Criminal Offenses: Executive Summary*. Paper prepared for the National Conference for criminal Offenses, Ann Arbor, Michigan. 1987. (In Eng.).
36. Kalmthout A. M. van. *Sanctions-Systems in the Member-States of the Council of Europe*; A. M. van Kalmthout, P. J. P. Tak. *Deventer-Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers*, 1992. Part 2. 880 p. (In Eng.).
37. Langan H. *Recidivism of Felons on Probation*. Washington. DC: U.S. Department of Justice, 1992. P. 46. (In Eng.).
38. Tarbagaev A. N. *Alternative Sanctions in Russian Criminal Law: Historical Roots and Present-Day Trends*; A. N. Tarbagaev. *Review of Central and East European Law*. 1998. Vol. 24. Issue 3/4. Pp. 329–359. (In Eng.).
39. Tarbagaev A. N. *The Sanctions System in Russian Criminal Law*; A.N. Tarbagaev. *South African Journal of Criminal Justice*. 2000. Vol. 13. Issue 2. Pp. 160–170. (In Eng.).
40. *Will Electronic Monitoring Have a Future in Europe?*; ed. by M. Mayer, R. Haverkamp, R. Levy. Freiburg / Breisgau: Edition Iuscrim, 2003. 282 p. (In Eng.).

- Activity]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1984. Issue 9. Pp. 52–58. (In Russ.).
18. Zubkova V. I. *Vosstanovlenie sotsial'noy spravedlivosti kak tsel' ugovnogo nakazaniya i ee dostizhenie v protsesse otbyvaniya nakazaniya* [Restoration of Social Justice as the Goal of Criminal Punishment and Its Achievement in the Process of Serving the Sentence]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2010. Issue 9. Pp. 10–14. (In Russ.).
 19. Inshakov S. M. *Effektivnost' ugovnogo nakazaniya: metodika analiza* [The Effectiveness of Criminal Punishment: Methods of Analysis]. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2014. Issue 25 (711). Pp. 50–53. (In Russ.).
 20. Iskaliev R. G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za sokrytie denezhnykh sredstv i imushchestva, za schet kotorykh dolzhno proizvodit'sya vzyiskanie nalogov i sborov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for Concealing Funds and Property, at the Expense of which Taxes and Fees should Be Collected: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 198 p. (In Russ.).
 21. Kerimov D.A. *Svoboda, pravo i zakonnost' v sotsialisticheskom obshchestve* [Freedom, Law and Legality in a Socialist Society]. Moscow, 1960. 223 p. (In Russ.).
 22. Kobets P.N. *Analiz struktury retsidivnoy prestupnosti lits, podvergovshikhsya razlichnym vidam nakazaniy* [Analysis of the Structure of Recidivism of Persons Subjected to Various Types of Punishment]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 2015. Issue 11–3. Pp. 168–170. (In Russ.).
 23. Kovalev M.I. *K voprosu ob effektivnosti ugovnogo zakonodatel'stva* [On the Issue of the Effectiveness of Criminal Legislation]. *Problemy effektivnosti ugovnogo zakona: sbornik uchen. trudov* [Problems of the Effectiveness of Criminal Law: Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1975. Issue 37. Pp. 27–38. (In Russ.).
 24. Kozachenko I. Ya. *Mozhno li ispravit' neispravimoe?* [Can You Correct Someone Incorrigible?]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2016. Issue 4. Pp. 113–116. (In Russ.).
 25. Kristi N. *Prichinyaya bol'. Rol' nakazaniya v ugovnoy politike / pod red. Ya. I. Gilinskogo* [Christie N. Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy; ed. by Ya. I. Gilinskiy]. St. Petersburg, 2011. (In Russ.).
 26. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: the Norm and Pathology]. Moscow, 1982. 287 p. (In Russ.).
 27. Kudryavtsev V. N., Nikitinskiy V. I., Samoshchenko I. S. *Effektivnost' pravovykh norm* [The Effectiveness of Legal Norms]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).
 28. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast': uchebnyk dlya vuzov* [The Course of Criminal Law. General Part: Textbook for Universities]. Vol. 1. *Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkoy* [The Doctrine of Crime; ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova]. Moscow, 2011. 624 p. (In Russ.).
 29. Latysheva L. A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugovno-isspolnitel'nyy i kriminologicheskiy aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Resocialization of Prisoners Sentenced to Deprivation of Liberty: Criminal Executive and Criminological Aspects: Cand. jurid. sci. diss.]. Vologda, 2015. 269 p. (In Russ.).
 30. Lebedev M. P. *Ob effektivnosti vozdeystviya sotsialisticheskogo prava na obshchestvennye otnosheniya* [On the Effectiveness of the Impact of Socialist Law on Social Relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1963. Issue 1. Pp. 22–31. (In Russ.).
 31. Lopashenko N. A. *Ugolovnaya politika* [Criminal Policy]. Moscow, 2009. 579 p. (In Russ.).
 32. Madatov Ya. G. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty bor'by s nezakonnym predprinimatel'stvom v sfere stroitel'stva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Law and Criminological Aspects of Fighting Illegal Entrepreneurship in the Sphere of Construction: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2003. 25 p. (In Russ.).
 33. Maksimov S. V. *Tsel' v ugovnom prave: metodologicheskie aspekty / otv. red. A. I. Chuchayev* [Purpose in Criminal Law: Methodological Aspects; ed. by A.I. Chuchayev]. Ulyanovsk, 2002. 148 p. (In Russ.).
 34. Maksimov S. V. *Effektivnost' obshchego preduprezhdeniya prestupleniy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Effectiveness of General Crime Prevention: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1993. 46 p. (In Russ.).
 35. Mal'tsev V. V. *Nakazanie i problemy ego na znacheniya v ugovnom prave* [Punishment

References in Russian

1. Антонов О. А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // *Юристы-правоведы*. 2009. № 5. С. 45–48.
2. Антонян Ю. М. *Криминология: избр. лекции*. М., 2004. 448 с.
3. Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М., 1995. 184 с.
4. Бикситова Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области): дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006. 178 с.
5. Бытко С. Ю. Массовое сокрытие убийств: соответствуют ли оценки НИИ Генпрокуратуры реальности // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014. № 2. С. 177–184.
6. Бытко С. Ю. Эффективность предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // *Гражданское общество и правовое государство: материалы междунар. конф. (10–11 октября 2014 г.)*. Барнаул, 2015. Т. 2. С. 67–70.
7. Васильев В. С. Причинность преступности и статистические закономерности // *Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой*. М., 1999. С. 62–66.
8. Верина Г. В. *Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы*. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
9. Гернет М. Н. *Общественные причины преступности // Избранные произведения*. М.: Юрид. лит., 1974. С. 38–202.
10. Гончаренко Г. С. *Криминологический анализ личности коррупционного преступника*. URL: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (дата обращения: 15.10.2014).
11. Громов В. Г. *Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы*. М.: Новый индекс, 2008. 336 с.
12. Дворецкий М. Ю., Курманова О. Н. *Российская система наказаний в контексте повышения эффективности отдельных видов* уголовной ответственности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 4. С. 341–344.
13. Долгова А. И. *Криминология*. М.: НОРМА, 2005. 912 с.
14. Ермолович Я. Н. Эффективность военно-уголовных норм и эффективность военно-уголовной политики // *Военное право*. 2012. Вып. № 1. URL: <http://www.voennoe-pravo.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
15. Жалинский А. Э. *Оценки эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью // Право и политика*. 2009. № 4. С. 819–826.
16. Жалинский А. Э., Герасун А. А. *Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью*. 1972. № 15. С. 3–10.
17. Зелинский А. Ф. *Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право*. 1984. № 9. С. 52–58.
18. Зубкова В. И. *Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2010. № 9. С. 10–14.
19. Иншаков С. М. *Эффективность уголовного наказания: методика анализа // Вестник Московского государственного литературного университета ГЛУ*. 2014. Вып. 25. С. 50–53.
20. Искание Р. Г. *Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук*. Саратов, 2014. 198 с.
21. Керимов Д. А. *Свобода, право и законность в социалистическом обществе*. М.: Госюиздат, 1960. 223 с.
22. Кобец П. Н. *Анализ структуры рецидивной преступности лиц, подвергавшихся различным видам наказаний // Инновационная наука*. 2015 № 11–3. С. 168–170.
23. Ковалев М. И. *К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона: сб. учен. тр. Свердловск, 1975. Вып. 37. С. 27–38.*

- and Problems of Its Awarding in Criminal Law]. Volgograd, 2007. 224 p. (In Russ.).
36. Marx K. K. *Kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie* [A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface]. K. Marx and F. Engels. PSS. 2-e izd. [K. Marx and F. Engels. Complete Works. 2nd ed.]. Moscow, 1959. Vol. 13. 805 p. (In Russ.).
 37. Minskaya V. S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za korrupcionnye prestupleniya* [Criminal Liability for Crimes of Corruption]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury RF* – Bulletin of the Academy of the R. F. Prosecutor General's Office. 2009. Issue 14. Pp. 55–60. (In Russ.).
 38. Mitskevich A. F. *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal Punishment: Concept, Goals and Mechanisms of Action]. St. Petersburg, 2005. 327 p. (In Russ.).
 39. *Naznachenie nakazaniya, ego effektivnost' i osvobodzhenie ot ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya: uchebnoe posobie / pod red. G. B. Vittenberga* [Awarding Punishment, Its Effectiveness and Relief from Criminal Liability and Punishment: Textbook; ed. by G. B. Vittenberg]. Irkutsk, 1978. 90 p. (In Russ.).
 40. Nartymov D. M. *Problemy povysheniya effektivnosti nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Increasing the Efficiency of Punishment: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2010. 30 p. (In Russ.).
 41. Naumov A. V. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsiy* [Criminal Law. General Part: Course of Lectures]. Moscow, 1996. 560 p. (In Russ.).
 42. Nikonov V. A. *Effektivnost' obshchepredupreditel'nogo vozdeystviya ugovolnogo nakazaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Effectiveness of General Preventive Impact of Criminal Punishment: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1994. 36 p. (In Russ.).
 43. Noy I. S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovet'skom ugovolnom prave* [Issues of the Theory of Punishment in the Soviet Criminal Law]. Saratov, 1962. 154 p. (In Russ.).
 44. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2002. 908 p. (In Russ.).
 45. Panchenko P. N. *Upravlenie primeneniem ugovolnogo zakonodatel'stva kak strategiya i taktika ugovolnoy politiki* [Management of the Application of Criminal Legislation as a Strategy and Tactics of Criminal Policy]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugovolnom i ugovolno-protsessual'nom zakonodatel'stve / pod red. L. L. Kruglikova* [Problems of Legal Technology in Criminal and Criminal Procedure Legislation; ed. by L. L. Kruglikov]. Yaroslavl, 1999. Pp. 104–112. (In Russ.).
 46. Pashkov A. S., Chechot D. M. *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya i metody ee vyvazheniya* [The Effectiveness of Legal Regulation and Methods for Its Detection]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1965. Issue 8. Pp. 3–11. (In Russ.).
 47. Pashkov A. S., Yavich L. S. *Effektivnost' pravovoy normy* [The Effectiveness of Legal Norm]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1970. Issue 3. Pp. 41–44. (In Russ.).
 48. Perminov O. G. *Problemy realizatsii nakazaniya* [Issues of Punishment Implementation]. Moscow, 2003. 255 p. (In Russ.).
 49. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya prestupleniya* [Philosophy of Crime]. Moscow, 2001. 576 p. (In Russ.).
 50. Prigozhin I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of Instability]. *Voprosy filosofii* – Problems of Philosophy. 1991. Issue 6. Pp. 46–57. (In Russ.).
 51. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, 2001. 432 p. (In Russ.).
 52. *Putin prizval chinovnikov soblyudat' protsedury ili uyti, kak Kudrin* [Putin Appealed to Officials to Abide by Procedures or to Leave Like Kudrin]. Available at: <http://ria.ru/politics/20131114/976926063.html> (accessed 25.11.2013). (Russ.).
 53. Samoshchenko I. S., Nikitinskiy V. I. *Izuchenie effektivnosti deystvuyushchego zakonodatel'stva* [Study of the Effectiveness of Current Legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1969. Issue 8. Pp. 3–12. (In Russ.).
 54. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. A. M. Prokhorova* [Soviet Encyclopedic Dictionary; ed. by A. M. Prokhorov]. Moscow, 1990. 1632 p. (In Russ.).
 55. *Sovremennyy filosofskiy slovar' / pod red. V. E. Kemerova* [Modern Philosophical Dictionary; ed. by V. E. Kemerov]. Moscow, 2004. 863 p. (In Russ.).
 24. Козаченко И. Я. Можно ли исправить не-исправимое? // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 113–116.
 25. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под ред. Я. И. Гилинского; пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2011.
 26. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
 27. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.
 28. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2011. 624 с.
 29. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2015. 269 с.
 30. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 22–31.
 31. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс-Клувер, 2009. 579 с.
 32. Мадатов Я. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 25 с.
 33. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. 148 с.
 34. Максимов С. В. Эффективность общего предупреждения преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1993. 46 с.
 35. Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. ВА МВД России. Волгоград, 2007. 224 с.
 36. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. ПСС. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13. 805 с.
 37. Минская В. С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 14. С. 55–60.
 38. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.
 39. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие / под ред. Г. Б. Виттенберга. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. 90 с.
 40. Нартымов Д. М. Проблемы повышения эффективности наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 30 с.
 41. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1996. 560 с.
 42. Никонов В. А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 36 с.
 43. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. 154 с.
 44. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Дрофа, 2002. 908 с.
 45. Панченко П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юрид. техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1999. С. 104–112.
 46. Пашиков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.
 47. Пашиков А. С., Явич Л. С. Эффективность правовой нормы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41–44.
 48. Перминов О. Г. Проблемы реализации наказания. М.: Элит, 2003. 255 с.
 49. Поздняков Э. А. Философия преступления. М.: Интурреклама, 2001. 576 с.
 50. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
 51. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 2001. 432 с.
 52. Путин призвал чиновников соблюдать процедуры или уйти, как Кудрин.

56. Solov'ev I. N. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika nalogovykh prestupleniy (st. st. 198 i 199 Ugolovnogo kodeksa): dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Law and Criminological Characteristics of Tax Crimes (Art. 198 and 199 of the Criminal Code): Cand. jurid. sci. diss.], Moscow, 1999. 250 p. (In Russ.).
57. Spiridonov L. I. *Sotsiologiya ugolovno prava* [Sociology of Criminal Law]. Moscow, 1986. 237 p. (In Russ.).
58. Stromov V. Yu. *Sistema ugolovnykh nakazaniy (realizatsiya i effektivnost'): dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Penalties System (Implementation and Effectiveness): Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2009. 240 p. (In Russ.).
59. Stromov V. Yu. *Tseli nakazaniya i sovershenstvovaniya effektivnosti ikh realizatsii* [Aims of Punishment and Perfection of Their Execution]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 2006. Issue 4. Pp. 443–450. (In Russ.).
60. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t.* [Logical Foundations of the General Theory of Law: in 2 vols.]. Vol. 2. *Logika pravovogo issledovaniya (Kak napisat' dissertatsiyu)* [Logic of Legal Research (How to Write a Dissertation)]. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.).
61. Ter-Akopov A. A. *Pravovye osnovaniya otvetstvennosti za voinskie prestupleniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Foundations of Responsibility for Military Crimes: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1982. 362 p. (In Russ.).
62. *Ugolovnaya politika i ee realizatsiya organami vnutrennikh del: uchebnik / pod red. L. I. Belyaevoy* [Criminal Policy and Its Implementation by the Internal Affairs Agencies: Textbook; ed. by L. I. Belyaeva]. Moscow, 2003. 246 p. (In Russ.).
63. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya vuzov / otv. red. L. L. Kruglikov* [Criminal Law of Russia. General Part: Textbook for Universities; ed. by L. L. Kruglikov]. Moscow, 2005. 592 p. (In Russ.).
64. Wald G. *Determinizm, individual'nost' i problema svobodnoy voli* [Determinism, Individuality and Problem of Free Will]. *Nauka i zhizn*. 1967. Issue 2. Pp. 70–83. (In Russ.).
65. Usmanov I. M. *Usloviya effektivnosti uslovno-dosrochnogo osvobodzheniya ot otbyvaniya nakazaniya* [Conditions of Efficiency of Grant of Parole from Service of Sentence]. *Pravo i bezopasnost'* – Law and Security. 2009. Issue 33. Pp. 97–98. (In Russ.).
66. Fedosenko V. *Transplantologov opravdali. Okonchatel'no? Verkhovnyy sud priznal vrachey nevinovnymi* [Transplantologists Acquitted. Finally? The Supreme Court Found Doctors Innocent]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2006. December 22. (In Russ.).
67. Fedosova V. A. *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo prava* [The Effectiveness of the Rules of the Soviet Law]. Voronezh, 1984. 157 p. (In Russ.).
68. Frolova S. M. *Ponyatie effektivnosti ispravitel'nykh rabot primenitel'no k nesovershennoletnim osuzhdennym* [The Concept of the Effectiveness of Correctional Work in Relation to Juvenile Offenders]. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk, 2012. Part 54. Pp. 57–58. (In Russ.).
69. Shargorodskiy M. D. *Nakazanie, ego tseli i effektivnost'* [Punishment, Its Purpose and Effectiveness]. Leningrad, 1973. 160 p. (In Russ.).
70. Shkel' T. *Istselisya sam. Genprokuror vskryl bolezni obshchestva* [Heal Yourself. The Prosecutor General Has Revealed the Illnesses of the Society]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2005. March 10. (In Russ.).
71. Albonnetti C. A. *Criminality, Prosecutorial and Uncertainty: Toward a Theory of Discretionary Decision-Making in Felony Case*. *Criminology*. 1986. Issue 24. P. 623. (In Eng.).
72. Appleman L. I. *Deviancy, Dependency, and Disability: the Forgotten History of Eugenics and Mass Incarceration*; L. I. Appleman. *Duke Law Journal*. 2018. Vol. 3. Pp. 417–478. (In Eng.).
73. Blumstein A., Cohen J. *Sentencing Convicted Offenders: An Analysis of the Public's View*. *Law and Society Review*. 1980. Issue 14. Pp. 223–261. (In Eng.).
74. Draper T. *An Introduction to Jeremy Bentham's Theory of Punishment*. UCL Bentham Project Journal of Bentham Studies. 2002. Vol. 5. Available at: <http://discovery.ucl.ac.uk/1323717/1/005%20Draper%202002.pdf> (accessed 10.01.2019). (In Eng.).
75. Hart H. *Prolegomenon to the Principles of Punishment*. 1960. Pp. 21–22. (In Eng.).
76. Herberger J., Magda E. *Aggression in Prison Service Personnel and its Causation*. The

- URL: <http://ria.ru/politics/20131114/976926063.html> (дата обращения: 25.11.2013).
53. Самоценко И. С., Никитинский В. И. *Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право*. 1969. № 8. С. 3–12.
54. *Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 1632 с.
55. *Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова*. М.: Академ. проект, 2004. 863 с.
56. Соловьев И. Н. *Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (ст. 198 и 199 Уголовного кодекса): дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1999. 250 с.
57. Спиридонов Л. И. *Социология уголовного права*. М.: Юрид. лит., 1986. 237 с.
58. Стромов В. Ю. *Система уголовных наказаний (реализация и эффективность): дис. ... канд. юрид. наук*. Волгоград, 2009. 240 с.
59. Стромов В. Ю. *Цели наказания и совершенствования эффективности их реализации // Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 443–450.
60. Сырых В. М. *Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2 : Логика правового исследования (Как написать диссертацию)*. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
61. Тер-Акопов А. А. *Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 1982. 362 с.
62. *Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л. И. Беляевой*. М.: Академия управления МВД России, 2003. 246 с.
63. *Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов*. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
64. Уолд Дж. *Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли // Наука и жизнь*. 1967. № 2. С. 70–83.
65. Усманов И. М. *Условия эффективности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Право и безопасность*. 2009. № 33. С. 97–98.
66. Федосенко В. *Трансплантологов оправдали. Окончательно? Верховный суд признал врачей невинными // Российская газета*. 2006. 22 дек.
67. Федосова В. А. *Эффективность действия норм советского права*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.
68. Фролова С. М. *Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // Правовые проблемы укрепления российской государственности*. Томск, 2012. Ч. 54. С. 57–58.
69. Шаргородский М. Д. *Наказание, его цели и эффективность*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 160 с.
70. Шкель Т. *Исцелился сам. Генпрокурор вскрыл болезни общества // Российская газета*. 2005. 10 марта.
71. Albonnetti C. A. *1986. Criminality, Prosecutorial and Uncertainty: Toward a Theory of Discretionary Decision-Making in Felony Case*. *Criminology* 24.
72. Appleman L. I. *Deviancy, Dependency, and Disability: the Forgotten History of Eugenics and Mass Incarceration // Duke Law Journal*. 2018. Vol. 3. Pp. 417–478.
73. Blumstein A., Cohen J. *1980. Sentencing Convicted Offenders: An Analysis of the Public's View*. *Law and Society Review* 14. Pp. 223–261.
74. Draper T. *An Introduction to Jeremy Bentham's Theory of Punishment*. UCL Bentham Project Journal of Bentham Studies, 2002. Vol. 5. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1323717/1/005%20Draper%202002.pdf> (дата обращения: 10.01.2019 г.).
75. Hart H. *Prolegomenon to the Principles of Punishment*. 1960.
76. Herberger J., Magda E. *Aggression in Prison Service Personnel and its Causation // The Open Criminology Journal*. 2015. Vol. 8. С. 12–18.
77. Jacoby J., Dunn C.S. *1987. National Survey on Punishment for Criminal Offenses: Executive Summary*. Paper prepared for the National Conference for criminal Offenses, Ann Arbor, Michigan.
78. Kalmthout A. M. van. *Sanctions-systems in the member-states of the Council of Europe*. P. J. P. Tak. Deventer -Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1992. Pt. 2. 880 p.

- Open Criminology Journal. 2015. Vol. 8. Pp. 12–18. (In Eng.).
77. *Jacoby J., Dunn C. S.* National Survey on Punishment for Criminal Offenses: Executive Summary. Paper prepared for the National Conference for criminal Offenses, Ann Arbor, Michigan. 1987. (In Eng.).
78. *Kalmthout A. M. van.* Sanctions-Systems in the Member-States of the Council of Europe; A. M. van Kalmthout, P. J. P. Tak. Deventer-Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1992. Part 2. 880 p. (In Eng.).
79. *Langan H.* Recidivism of Felons on Probation. Washington. DC: U.S. Department of Justice, 1992. P. 46. (In Eng.).
80. *Tarbagaev A. N.* Alternative Sanctions in Russian Criminal Law: Historical Roots and Present-Day Trends; A. N. Tarbagaev. Review of Central and East European Law. 1998. Vol. 24. Issue 3/4. Pp. 329–359. (In Eng.).
81. *Tarbagaev A.N.* The Sanctions System in Russian Criminal Law; A.N. Tarbagaev. South African Journal of Criminal Justice. 2000. Vol. 13. Issue 2. Pp. 160–170. (In Eng.).
82. Will Electronic Monitoring Have a Future in Europe?; ed. by M. Mayer, R. Haverkamp, R. Levy. Freiburg / Breisgau: Edition Iuscrim, 2003. 282 p. (In Eng.).

79. *Langan H.* Recidivism of Felons on probation. Washington. DC: U.S. Department of Justice. 1992.
80. *Tarbagaev A. N.* Alternative sanctions in Russian Criminal Law: historical roots and present-day trends // Review of Central and East European Law. 1998. Vol. 24, № 3/4. Pp. 329–359.
81. *Tarbagaev A. N.* The Sanctions System in Russian Criminal Law // South African Journal of Criminal Justice. 2000. Vol. 13, № 2. Pp. 160–170.
82. *Will Electronic Monitoring Have a Future in Europe? / ed. by M. Mayer, R. Haverkamp, R. Levy.* Freiburg. Breisgau: Edition Iuscrim, 2003. 282 p.